

№ 5
1952

5/5-52

Презерво 1984 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СПбГУ

Наз. Гос. Орден Лепия Университет
БИБЛИОТЕКА
Прядковские Озкдвдот

5

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 5

Май

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ОДНОГО ИЗ ОСУЖДЕННЫХ ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПОКАЗАНИЯХ ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО В ИСХОДЕ ДЕЛА ВТОРОГО ОСУЖДЕННОГО, ОПРОВЕРГНУТЫХ ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Лысова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 16 февраля 1952 г.

По приговору Московского городского суда Лысов был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе.

Лысов признан виновным в том, что, работая директором магазина № 22 Куйбышевского райпищеторга Москвы, систематически занимался расхищением материальных ценностей. В целях сокрытия недостач товаров Лысов вошел в преступный сговор с бывшим агентом базы того же Райпищеторга Максимовой и принял от нее 20 ноября без документов 297 кг мяса, по магазину его не оприходовал, скрыл от учета и погасил недостачу товаров на

8077 руб., а всего причинен его действиями ущерб на 9950 руб.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия признала, что приговор подлежит отмене по следующим основаниям:

Лысов виновным себя не признал и показал, что 20 ноября мясо от Максимовой не получал и хищением не занимался.

В обоснование виновности Лысова суд сослался в приговоре на показания осужденной Максимовой, которая заявила, что она утром 20 ноября передала Лысову без документов на хранение 297 кг мяса, которое им было продано.

Показания Максимовой, допустившей растрату вверенных ей материальных ценностей на 17216 руб., не могут считаться доказательством виновности Лысова, поскольку они

Р-115/5-52

не подтверждены объективными фактами, являются оговором Лысова в целях смягчения своей ответственности и опровергаются другими доказательствами.

Максимова утверждала, что при передаче мяса Лысову утром 20 ноября присутствовал Капустин. Последний, однако, показал в суде, что Максимова 19 ноября завозила мясо в магазин № 22, он принимал его и выдал накладную, но не было такого случая, чтобы он, Капустин, присутствовал при передаче 297 кг мяса Максимовой Лысову на хранение.

Максимова заявила в суде, что мясо, ею привезенное 20 ноября в количестве 297 кг в магазин № 22 на хранение, сгружал Коновалов. Последний показал в суде, что мясо с базы в магазин № 22 действительно завозил, но какого числа и кто был шофером автомашины, он не помнит, причем свидетель подчеркнул, что утром мясо не сдавалось. Максимова же утверждала, что 297 кг мяса привозились ею в магазин № 22 утром, и сослалась на Моторова, которая знает, что она 20 ноября сдавала Лысову на хранение в магазин 297 кг мяса без документов.

В суде Моторова показала, что она не знает о завозе в магазин 20 ноября 297 кг мяса и Лысов ей ничего об этом не говорил.

Максимова заявила, что она сказала директору базы Ракову, что 297 кг мяса завезла на хранение в магазин № 22. Раков не подтвердил этого в суде и показал, что Максимова ему об этом не говорила.

Максимова объяснила, что Завадин присутствовал в магазине № 22, когда Моторова предлагала ей, Максимовой, взять мясо обратно. Допрошенный в суде свидетель Завадин опроверг утверждение Максимовой и показал, что не было такого случая, чтобы в его присутствии Моторова предлагала Максимовой забрать мясо обратно.

Максимова утверждала в суде,

что 20 ноября 297 кг мяса погрузил Стукалов. Последний показал в суде, что он в ноябре мясо в магазин № 22 не завозил, и подчеркнул, что в ноябре вечером мясо оставалось у агента Максимовой, но она это мясо сдала на хранение на базу.

Ревизор Бубнов показал в суде, что в момент проверки магазина № 22 и базы Максимова заявила, что в ноябре она завезла в магазин № 22 мясо и сдала его на хранение без документов. При документальной проверке подтвердить заявление Максимовой было невозможно. Однако было установлено, что в заявленный Максимовой день было завезено мясо в магазин № 22 по документам. И действительно доказано, что Максимова 19 ноября завозила мясо в магазин № 22 и сдала его Лысову по накладным в присутствии Капустина, что последним подтверждено в суде. Отсюда следует, что если бы Максимова хотела передать 297 кг мяса в магазин № 22 Лысову, то она могла бы это сделать 19 ноября, когда она привозила мясо в магазин по документам, а не делать этого 20 ноября и уличать себя в преступлении.

Суд в подтверждение виновности Лысова сослался на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы.

Между тем выводы этой экспертизы построены на предположениях и априорных подсчетах «среднего» поступления мяса в магазин и «среднего» расхода его, исходя из практики учета торговой деятельности магазина за определенное время.

Такой предположительный вывод экспертизы не может рассматриваться как доказательство обвинения.

Ввиду всего изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Лысова отменить и дело производством прекратить за недоказанностью обвинения.

**2. ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА,
КОТОРЫМ ЭТОТ ПРИГОВОР ОСТАВЛЕН В СИЛЕ, ПОДЛЕЖАТ ОТМЕНЕ,
ЕСЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМЫХ
НЕ ОПРОВЕРГНУТЫ ОБВИНЕНИЕМ**

*Дело Константинова и других.
Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 27 февраля 1952 г.*

По приговору народного суда Артемевского района г. Баку Константинов, Гаспаров и Максудов осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор в отношении Константинова и Гаспарова оставила в силе, а в отношении Максудова изменила, действия его переквалифицировала на ст. 5 того же Указа.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения в отношении Гаспарова и Максудова и прекращении дела в отношении их за недоказанностью проступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Константинов, Гаспаров и Максудов признаны виновными в том, что они по договоренности между собой 7 апреля 1951 г. в г. Баку из хлебного магазина совершили кражу денег в сумме 800 руб.

Приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Гаспарова и Максудова подлежат отмене, а в отношении Константинова изменению по следующим основаниям:

Суд нашел вину Гаспарова и Максудова доказанной без достаточных оснований. Материалами дела не установлено, что Константинов совершил хищение из магазина денег по сговору с Гаспаровым и Максудовым. Показания свидетелей — Болотиной, Королевой и Шабельниковой — не могут служить доказа-

тельством вины Гаспарова и Максудова в соучастии с Константиновым в хищении денег, поскольку из этих показаний нельзя сделать вывод о наличии сговора между ними.

Единственный очевидец того, как Константинов зашел в магазин, — свидетельница Болотина в судебном заседании показала, что, когда Константинов зашел в магазин, Гаспаров стоял около магазина, а Максудов сидел у киоска.

Константинов как на предварительном следствии, так и в судебном заседании показал, что он деньги похитил один и что Гаспарова и Максудова он не знает.

На предварительном следствии, как и в судебном заседании, Гаспаров и Максудов категорически отрицали сговор с Константиновым и свое участие в хищении последним денег. В подтверждение этого Константинов показал, что он зашел в магазин, имея намерение купить хлеба, но, увидя, что в магазине никого нет и на прилавке лежат деньги, он похитил их. Константинов, как видно из материалов дела, был задержан отдельно от Гаспарова и Максудова в другом месте.

При таких обстоятельствах дела и отсутствии каких-либо доказательств о сговоре показания свидетелей — Шабельниковой, Королевой и Екибашевой — о том, что они видели Максудова, Константинова и Гаспарова вместе около магазина, не могут служить доказательством того, что кражу денег Константинов совершил по сговору с Максудовым и Гаспаровым.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР, оставив в силе приговор в отношении Гаспарова, в определении сослалась на показания свидетеля Болотиной, данных

последней на предварительном следствии, о том, что Гаспаров открыл дверь магазина, а Константинов вошел в магазин.

Сославшись на эти показания Болотиной, Коллегия не учла, во-первых, что эти показания сами по себе недостаточны для того, чтобы считать сговор установленным, и, во-вторых, то, что в судебном заседании Болотина изменила свои показания, и о том, что Гаспаров открыл дверь магазина, в судебном заседании она не показала.

В материалах дела нет доказательств виновности Максудова в недонесении о достоверно известном, готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, и Коллегия без достаточных оснований переквалифицировала преступление в отношении его со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответ-

ственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 5 того же Указа.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Артемовского района г. Баку и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в части, касающейся Гаспарова и Максудова, отменить и дело о них за недоказанностью преступления производством прекратить. В отношении Константинова приговор и определение изменить, переквалифицировать его действия на ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

3. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО МОЖЕТ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СЛУЖБЕ ТОЛЬКО В ПРЕДЕЛАХ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Дело Пайгина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 13 февраля 1952 г.

По приговору Сталинабадского областного суда Пайгин был в числе других осужден по ч. 1 ст. 135 УК Таджикской ССР (халатность).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР приговор в отношении Пайгина оставила в силе, снизив ему наказание.

Пайгин признан виновным в том, что, работая бригадиром мебельного цеха Сталинабадского горпромкомбината, он не выполнил приказа от 17 марта по Комбинату, не привел цех в противопожарное состояние и не поставил вопрос перед администрацией об оборудовании цеха противопожарным инвентарем. Приняв детали стульев в количестве 452 комплектов и кресел 260 комплектов под свою ответственность, сложил их около мебельного цеха под открытым небом. В результате указанные выше детали сгорели 2 мая во время пожара.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что дело в отношении Пайгина подлежит прекращению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 14 марта предписанием Государственного противопожарного надзора (по результатам специальной проверки указанного Комбината) было предложено директору Комбината Бабаеву к 26 марта обеспечить мебельный цех Комбината противопожарным инвентарем. Бабаев издал приказ 17 марта, которым он обязывал начальника снабжения Комбината Смирнова к 20 марта обеспечить мебельный цех противопожарным инвентарем, а начальников цехов обязал систематически осуществлять контроль за нагревательными приборами. Однако Бабаев, издав приказ, не принял надлежащих мер к его осуществлению, в результате чего начальником снаб-

жения Смирновым и начальниками цехов приказ выполнен не был.

Указанный приказ непосредственно Пайгина, как бригадира, ни к чему не обязывал, поэтому обвинение Пайгина в невыполнении упомянутого приказа является необоснованным.

Обвинение Пайгина в том, что он не сигнализировал руководству Комбината об отсутствии противопожарного инвентаря в цехе, является также необоснованным, так как директор Бабаев был предупрежден специальным предписанием, кроме того, Пайгин, как бригадир цеха, 17 марта специальной докладной запиской поставил перед Бабаевым вопрос об обеспечении цеха противопожарным инвентарем.

Причина возникновения пожара по делу не установлена. В момент возникновения пожара сторож был отпущен домой начальником сторожевой охраны и никого на месте не было. Пожар не удалось сразу ликвидировать за отсутствием противопожарных приспособлений.

Суд признал, что заместитель директора Комбината Леонов 26 апреля принял детали мебели и за отсутствием складского помещения дал указание сложить их около мебельного цеха во дворе под открытым небом, куда имелся доступ посторонним лицам.

Пайгин не являлся материально-ответственным лицом за сгоревшие детали мебели. Кроме того, в служебные обязанности Пайгина не входило обеспечение цеха противопожарным инвентарем и складскими помещениями, а также организация и контроль за сторожевой охраной.

Поэтому у суда не было оснований признать Пайгина виновным по ч. 1 ст. 135 УК Таджикской ССР.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Сталинабадского областного суда и определение Верховного суда Таджикской ССР в отношении Пайгина отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

4. ОТВЕРГАЯ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ИМЕЮЩИЕСЯ В ДЕЛЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ОБВИНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО ИЛИ ЕГО ОПРАВДАНИЯ, СУД ДОЛЖЕН В ПРИГОВОРЕ УКАЗАТЬ, ПОЧЕМУ ЭТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИМ ОТВЕРГНУТЫ

Дело Агаева и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 29 декабря 1951 г.

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в числе других осуждены: Агаев — по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»; Агарунов — по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»; Абрамов — по ст. 3

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»; Ахмедов Мурсала — по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором ставит вопрос о необоснованном осуждении Агаева и Ахмедова, о недоследованности дела в отношении Агарунова и о необоснованной переквалификации действий Абрамова с ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на ст. 3 этого же Указа.

Рассмотрев дело, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Агаев признан виновным в том, что, работая председателем правления колхоза имени Ахундова, совместно с осужденным по настоящему делу Агаруновым похитил 300 кг пшеницы, принадлежащей колхозу, а также, вступив в преступную связь с осужденным по настоящему делу Ахмедовым Мовсумом, протест в отношении которого не приносится, присвоил 10 482 кг колхозных яблок.

Кроме того, Агаев признан виновным в том, что 2 августа 1949 г. принял участие в разбойном нападении на гражданина Сафарова.

Агарунов признан виновным в том, что, работая шофером колхоза, совместно с осужденным Агаевым совершил хищение 300 кг колхозной пшеницы, а также в том, что растрастил 565 л горючего и 150 руб. денег, полученных в подотчет из колхоза.

Абрамов признан виновным в том, что, зная о разбойном нападении на гражданина Сафарова, не сообщил об этом соответствующим органам власти.

Ахмедов Мурсала признан виновным в том, что он принял участие в разбойном нападении на гражданина Сафарова.

Ни в стадии предварительного следствия, ни на судебном следствии не установлено, что Агаев и Ахмедов совершили те преступления, в которых они признаны виновными.

Не опровергнуто объяснение Агаева о том, что он поручил Агарунову получить в колхозе 800 кг пшеницы с тем, чтобы с разрешения сельхозотдела Кубинского райисполкома обменять ее на шерсть, и что после того, как этот обмен разрешен не был, он дал указание Агарунову временно сложить эту пшеницу у последнего на квартире.

Из материалов дела видно, что по поводу хранения пшеницы на квартире Агарунова прокуратурой производилась проверка, причем было установлено, что получение на хра-

нение пшеницы оформлено нарядом.

Впоследствии 500 кг этой пшеницы были сданы Агаевым в порядке госпоставок, а 300 кг были оставлены Агарунову в счет зерна, причитающегося ему по трудовням.

О том, что Агаев и Агарунов не имели цели похитить пшеницу, говорит и то, что пшеница была Агаруновым получена по накладной и в получении пшеницы он расписался.

В отпуске Агарунову 300 кг пшеницы в счет зерна, причитающегося ему на трудовни, нет ничего противозаконного.

Следовательно, утверждение суда о том, что 300 кг пшеницы Агаевым и Агаруновым были похищены, основано на предположении, которое опровергается материалами дела.

Не обосновано также утверждение суда о том, что Агаев по договоренности с бригадиром колхоза присвоил 10 482 кг яблок. Из материалов дела видно, что в момент раздачи яблок колхозникам Агаев находился на курсах.

Никто из колхозников не уличал Агаева в том, что он присвоил яблоки.

Осуждение Агаева и Ахмедова Мурсалы как участников разбойного нападения с целью ограбления гр-на Сафарова связано со следующим происшествием: Агаев и счетовод колхоза Ахмедов на колхозной автомашине ночью возвращались из г. Кубы к себе в колхоз. На автомашину село пассажиров двадцать. Агаев сидел с шофером в кабине, а Ахмедов — среди пассажиров в кузове. Шел дождь, и пассажиры накрылись с головой мешками и палассами. Этим воспользовался ехавший в кузове помощник шофера осужденный Гумбатов и при участии еще одного неустановленного лица ограбил пассажира Сафарова.

Согласно приговору, Агаев и Ахмедов слышали и видели, как потерпевший Сафаров был ограблен Гумбатовым и неизвестным лицом, и при этом они не оказали потерпевшему никакой помощи, а также об

этом случае не довели до сведения соответствующих органов власти. Агаеву было известно, что в кузове автомашины грабят человека, но он никаких мер не принял, а Ахмедов во время ограбления Сафарова кричал: «Бейте его».

Это обвинение находится в противоречии с показаниями всех допрошенных по этому эпизоду свидетелей. Сидевший в кабине Агаев не мог слышать и видеть, как грабили Сафарова.

Во время драки Гумбатова с Сафаровым, по стуку сидевших около кабины пассажиров, Агаев пять раз останавливал автомашину и спрашивал, что происходит в кузове. Каждый раз Гумбатов ему отвечал: «Все в порядке, поезжайте дальше».

Ограбления Сафарова не видел и Ахмедов. Этого не видел ни один пассажир. На крики Сафарова, что его ограбили, Гумбатов отвечал, что это ложь, что Сафаров отказывается платить за проезд.

Обвинение Ахмедова в том, что он кричал «Бейте его», основано на показаниях свидетеля Махмудова, который показал, что голос кричавшего «бейте его», кажется, похож на голос Ахмедова. Однако сидевшие рядом с Ахмедовым Махмудова Миновар и Агякишев показали суду, что слова «бейте его» были сказаны не Ахмедовым.

Статья 3 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» предусматривает уголовную ответственность за недонесение лишь о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое. При указанных же выше условиях ни Агаев, ни Ахмедов не знали и не могли знать достоверно об ограблении Сафарова.

Таким образом, обвинение Агаева и Ахмедова в том, что они слышали и видели, как Гумбатов и другой неизвестный ограбили Сафарова, не приняли никаких мер, не оказали Сафарову помощи,—а Ахмедов даже кричал: «Бейте его»,—и не сообщили об ограблении Сафарова органам власти, как и другие обвинения Ага-

ева, опровергнуто материалами дела. Кроме того, в действиях Агаева, даже как они изложены в приговоре, вообще нет признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 2 названного выше Указа.

Агарунов, кроме обвинения в хищении совместно с Агаевым 800 кг пшеницы, признан виновным в том, что не отчитался перед колхозом в 565 кг горючего и 150 руб. денег, находящихся у него в подотчете.

В судебном заседании Агарунов заявил, что о недостаче у него горючего он узнал лишь в прокуратуре, т. е. после привлечения его к уголовной ответственности.

Несмотря на такое заявление, суд не выяснил всех обстоятельств недостачи горючего и не привел в приговоре доказательств виновности Агарунова в присвоении горючего.

Суд необоснованно переквалифицировал действия Абрамова с ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на ст. 3 этого же Указа.

Абрамову по обвинительному заключению вменялось в вину непосредственное участие в разбойном нападении и ограблении Сафарова. Суд признал его виновным только в недонесении, сославшись на то, что Абрамов стоял на подножке автомашины и, следовательно, он не мог участвовать в избиении и ограблении Сафарова, которое произошло в кузове автомашины. Это утверждение суда находится в противоречии с материалами дела. Из показаний свидетелей видно, что Абрамов был в кузове автомашины и принял участие в избиении Сафарова, а свидетель Махмуд Муду показал, что Абрамов вместе с Гумбатовым выбросили Сафарова из машины.

Учитывая, что приговор по делу постановлен судом с нарушением ст. ст. 316 и 331 УПК Азербайджанской ССР и постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июня 1950 г. «О судебном приговоре», соглашаясь с протестом, Судебная

коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Агаева и Ахмедова Мурсалы отме-

нить и дело о них производством прекратить, в отношении Абрамова и Агарунова приговор отменить и дело о них направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

5. НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ ПО СТ. 56^{30а} УК УССР (СООТВЕТСТВУЕТ СТ. 59^{3в} УК РСФСР)

Дело Лаптейчука. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 января 1952 г.

По приговору народного суда 2-го участка Молотовского района г. Жданова Лаптейчук осужден по ч. 1 ст. 56^{30а} УК УССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Сталинского областного суда приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора народного суда и определения Судебной коллегии по уголовным делам Сталинского областного суда и прекращении дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

1 апреля в 8 ч. 30 м. во время производства маневров на железнодорожном пути Комбината производственных предприятий треста произошло столкновение железнодорожного состава с автомашиной ЗИС-5. Во время столкновения был тяжело ранен рабочий Шелеспанский и разбита автомашина.

Народный суд признал виновным Лаптейчука в том, что он, будучи составителем поездов комбината производственных предприятий треста, 1 апреля во время производства маневров при движении состава к неохраняемому переезду вагонами вперед не шел впереди маневрового состава, вследствие чего не мог принять меры к предотвращению столкновения железнодорожного состава с автомашиной.

Приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Сталинского областного суда в отношении Лаптейчука

подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из дела, маневры производились Лаптейчуком в соответствии с требованиями § 312 Правил технической эксплуатации (ПТЭ), маневровый состав был сформирован правильно, при следовании состава по железнодорожному пути, и в частности при следовании состава к неохраняемому переезду, машинист подавал оповестительные сигналы и вел состав с установленной скоростью.

Вменение в вину Лаптейчуку того, что он при движении маневрового состава не шел впереди состава, является необоснованным. Согласно инструкции по технике личной безопасности для составителей и сцепщиков службы движения треста, на составителя при следовании маневрового состава к неохраняемому переезду вагонами вперед возлагается обязанность идти впереди состава в том случае, если этому позволяет скорость маневрирующего состава. По делу установлено, что машинист в пределах дозволенной ему скорости движения вел состав со скоростью, превышающей скорость пешехода, и Лаптейчук идти впереди движущегося состава не мог и в соответствии с требованиями названной выше инструкции находился в голове состава на тормозном вагоне.

Экспертная комиссия в заключении указала, что составитель во время производства маневров должен находиться в таком месте состава, откуда ему одновременно видны локомотив маневрирующего

состава и сцепщик, и что, исходя из конкретного случая производства Лаптейчуком маневров 1 апреля, она находит, что он производил их с выполнением требований § 312 ПТЭ и инструкции по технике личной безопасности для составителей и сцепщиков службы движения треста.

Из имеющихся в деле материалов видно, что столкновение железнодорожного состава с автомашиной произошло по вине Томарова — шофера автоколонны треста, осужденного по настоящему делу по ч. 1 ст. 56^{30а} УК УССР, который нарушил специальную инструкцию по технике безопасности для водителей автотранспорта треста. Эта инструкция обязывает шоферов автомашин треста во избежание столкновения с поездом при подъезде к неохранный переезд остановиться перед автомашиной и убедиться, что железнодорожный путь свободен. Томаров при подъезде к неохранный переезд

автомашину не остановил и, не проверив, свободен ли путь, повел автомашину через переезд, в то время как к этому же переезду следовал маневровый состав.

Таким образом, указание в протесте, что столкновение железнодорожного состава с автомашиной на железнодорожном пути Комбината производственных предприятий треста произошла не по вине Лаптейчука и осужден он неправильно, соответствует материалам дела.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Протест Председателя Верховного суда СССР удовлетворить. Приговор народного суда 2-го участка Молотовского района г. Жданова и определение Судебной коллегии по уголовным делам Сталинского областного суда в отношении Лаптейчука отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить.

6. ОТМЕНА ПРИГОВОРА ВВИДУ НЕПОЛНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА И НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТ. 59^{3в} УК РСФСР

Дело Бондаренко и Ярошинского. Определение Железнодорожной коллегии от 1 марта 1952 г.

По приговору линейного суда Печорской ж. д. Бондаренко и Ярошинский осуждены по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР.

Окружной суд железнодорожного транспорта Северо-Западного округа по кассационным жалобам осужденных снизил им наказание.

Председатель Верховного суда СССР внес в Железнодорожную коллегия протест, в котором ставит вопрос об отмене приговора линейного суда и кассационного определения окружного суда ввиду неправильного применения закона и неполноты исследования обстоятельств дела.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Линейный суд Печорской ж. д. признал виновным Бондаренко по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР в том, что

он, будучи начальником узкоколейной ж. д. Октябрьского мехлеспункта Мурашинского лестранхоза Министерства путей сообщения, руководя работами по сбору рельс на перегоне, лично не следил за правильностью их погрузки на платформу поезда и передоверил эту работу старшему дорожному мастеру этого же мехлеспункта Ярошинскому.

Ярошинский признан виновным по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР в том, что он погрузку рельсов на платформы производил навалом, без шпальных прокладок и сортировки по длине. В результате этих нарушений при следовании поезда рельсы сместились и один из них, проломив стенку тамбура платформы, нанес смертельное ранение работнице Козловой.

Соглашаясь с протестом, Коллегия считает, что приговор линейного суда и кассационное определение окружного суда подлежат отмене по следующим основаниям:

Линейный суд неправильно квалифицировал преступление, инкриминируемое Бондаренко и Ярошинскому.

Статья 59^{3а} УК РСФСР, по которой квалифицировалось преступление, хотя и предусматривает в качестве последствий несчастные случаи с людьми, вместе с тем в своей диспозиции имеет их в виду, как результат таких видов нарушения трудовой дисциплины, которые связаны с несоблюдением существующих на транспорте правил движения, а также недоброкачественным ремонтом подвижного состава и пути.

Несчастный смертельный случай с Козловой явился следствием не этих

причин, а результатом невыполнения инструкции по технике безопасности.

Подобного рода преступления прямо предусмотрены ч. 3 ст. 133 УК РСФСР.

Независимо от этого, линейным судом недостаточно и неправильно произведено судебное следствие: не выяснено, в частности, кем было допущено нарушение инструкции по технике безопасности и в какой мере являлся за это ответственным Ярошинский как дорожный мастер.

В силу изложенного и в соответствии со ст. ст. 414 и 416 УПК РСФСР Железнодорожная коллегия определила:

Приговор линейного суда Печорской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

7. НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДВИЖЕНИЯ РАБОТНИКОМ ТРАНСПОРТА, НЕ НАХОДИВШИМСЯ В МОМЕНТ НАРУШЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, НЕ СОДЕРЖИТ НАЛИЧИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 58^{17в} УК ГРУЗИНСКОЙ ССР (СООТВЕТСТВУЕТ СТ. 59^{3а} УК РСФСР)

Дело Мартолеки. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 8 марта 1952 г.

По приговору народного суда Мцхетского района Грузинской ССР Мартолеки осужден по ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об изменении приговора и определения в отношении Мартолеки, переквалификации его преступления с ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР на ч. 1 ст. 151 УК Грузинской ССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Мартолеки признан виновным в том, что он 22 апреля 1951 г. в нетрезвом состоянии, управляя собственной автомашиной марки «Мо-

сквич», ехал с повышенной скоростью и в селении Мцхета наехал на трех граждан, из которых двум причинил тяжелые, а одному легкие телесные повреждения, после чего пытался скрыться.

Приговор и определение подлежат изменению по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что Мартолеки управлял собственной автомашиной, почему следственными органами, а затем и судом действия Мартолеки неправильно квалифицированы по ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

Хотя Мартолеки по профессии шофер и работал в Мцхетском водопроводном хозяйстве в качестве водителя автомашины, однако в данном конкретном случае его профес-

сия и служебное положение не являются признаками, дающими основание квалифицировать его действия по ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР. В момент происшествия Мартолеки, управляя собственной автомашиной, не находился при исполнении своих служебных обязанностей, а поэтому допущенное им нарушение правил движения автотранспорта не может рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины на транспорте, что является обязательным условием для квалификации преступления по ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г. за № 16/12/у

«О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения автотранспорта», преступление Мартолеки следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 151 УК Грузинской ССР.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Мцхетского района Грузинской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Мартолеки изменить, преступление его пере-квалифицировать с ч. 1 ст. 58^{17в} УК Грузинской ССР на ч. 1 ст. 151 УК Грузинской ССР.

8. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИВЛЕЧЕНИЕ УЧАЩЕГОСЯ ФЗО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ОБМУНДИРОВАНИЯ

*Дело Балобошина. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 13 февраля 1952 г.*

По приговору народного суда 4-го участка Орджоникидзевогo района г. Сталинска Кемеровской области Балобошин осужден по ч. 1 ст. 168 УК РСФСР и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся «ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»¹. Одновременно судом постановлено взыскать с Балобошина в пользу школы ФЗО, в которой он учился, 892 руб.

В кассационном порядке приговор обжалован не был.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об исключении из приговора обвинения Балобошина по ч. 1 ст. 168 УК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Балобошин признан виновным в том, что он самовольно оставил учебу в школе ФЗО № 1 г. Сталинска, куда он был направлен на учебу,

и скрылся, присвоив выданное ему для носки обмундирование.

Из материалов дела видно, что органы предварительного следствия и суд, признав, что Балобошин подлежит ответственности по ч. 1 ст. 168 УК РСФСР, исходили из того, что обмундирование было выдано Балобошину только во временное пользование, а собственником обмундирования попрежнему является школа ФЗО. Однако такой вывод является неправильным.

Передав обмундирование Балобошину, школа ФЗО перестала быть владельцем этого обмундирования, в связи с чем Балобошин несет перед школой лишь гражданско-правовую ответственность за полученное обмундирование.

Следовательно, суд неосновательно вынес в отношении Балобошина обвинительный приговор по ч. 1 ст. 168 УК РСФСР, так как Балобошин по указанным выше основаниям не должен нести уголовной ответственности за присвоение обмундирования. В части же осуждения Балобошина по Указу от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорож-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1941 г. № 1.

ных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» приговор суда является правильным.

На основании изложенного Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда 4-го участка Орджоникидзевского района

9. ДЛЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 107 УК РСФСР, ДОЛЖНА ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЕТЬ МЕСТО СКУПКА ТОВАРА В ЦЕЛЯХ НАЖИВЫ ПРИ ПЕРЕПРОДАЖЕ

Дело Карепова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 9 января 1951 г.

По приговору народного суда 1-го участка г. Кинешмы Ивановской области Карепов осужден по ч. 2 ст. 72 УК РСФСР и по ст. 107 УК РСФСР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда назначенное наказание Карепову по ч. 2 ст. 72 УК РСФСР снижено, а в остальной части приговор оставлен в силе.

Председатель Верховного суда РСФСР принес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР об отмене приговора в части осуждения Карепова по ст. 107 УК РСФСР и прекращении дела в этой части. Судебная коллегия с доводами, изложенными в протесте, не согласилась и его отклонила.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, который принесен по тем же основаниям, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Народный суд признал виновным Карепова, бывшего технического руководителя Кинешемским рыбным заводом, в том, что он по фиктивным документам, выданным ему директором рыбного завода, сдал от имени рыбного завода в Кинешемскую артель принадлежавшие лично ему 800 кг бракованной пряжи для переработки ее на бязь, по фиктивными документам получил из артели 3200 м бязи, выработанной из пряжи, и 300 м этой бязи продал на рынке.

Как установлено по делу, Каре-

г. Сталинска Кемеровской области в части осуждения Балобошина по ч. 1 ст. 168 УК РСФСР отменить, а дело о нем в этой части за отсутствием состава преступления производством прекратить.

В остальной части приговор в отношении Балобошина оставить без изменения¹.

пов, работавший до начала Великой Отечественной войны по договору в рыболовецкой артели, имел собственную моторную лодку. После ранения на фронте Карепов, возвратясь домой, оставил работу в рыболовецкой артели и поступил работать в государственное учреждение. Ввиду того, что в связи с оставлением работы в рыболовецкой артели лодка была ему больше не нужна, он решил ее продать. Продать моторную лодку за наличный расчет Карепову не представилось возможным, и тогда он согласился с предложением Кинешемской фабрики продать ей лодку за 800 кг бракованной пряжи, и эта сделка была санкционирована главком. Получив в уплату за лодку 800 кг пряжи, Карепов договорился с председателем Кинешемской артели о переработке пряжи на бязь и по документам, выданным ему директором рыбного завода, сдал ее для переработки в указанную артель. Из общего количества полученной Кареповым бязи он часть бязи отдал рабочим, занятым на строительстве его дома, часть израсходовал на личные нужды, а 300 м продал на рынке по цене, которая ниже стоимости бязи в розничной государственной торговле.

Председатель Верховного суда РСФСР, исходя из этих фактических обстоятельств дела, принес протест в Судебную коллегия по уголовным

¹ Балобошин наказание по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. отбывал в 1950 году.

делам Верховного суда РСФСР об отмене приговора в части осуждения Карепова по ст. 107 УК РСФСР и прекращении дела в этой части, ссылаясь в протесте на то, что в действиях Карепова, выразившихся в продаже 300 м лично принадлежавшей ему бязи по цене ниже стоимости бязи в розничной государственной торговле, нельзя усмотреть признаков преступления, предусмотренного ст. 107 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, не согласившись с протестом Председателя Верховного суда РСФСР, мотивировала отклонение его тем, что приобретение Кареповым бязи и продажа ее были вызваны спекулятивными побуждениями.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит, что приговор народного суда и определения судебных коллегий по уголовным делам Ивановского областного суда и Верховного суда РСФСР в части осуждения Карепова по ст. 107 УК РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Статья 107 УК РСФСР определяет спекуляцию как скупку и перепродажу в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления. Если нет скупки для перепродажи в целях наживы, то нет и состава спекуляции.

Как правильно указано в протесте Председателя Верховного суда СССР, обстоятельства приобретения Кареповым бязи не дают оснований для таких выводов, которые сделала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, а именно, что Карепов приобрел бязь

с целью спекуляции. Не дают оснований для такого обвинения и фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о продаже Кареповым 300 м бязи без цели наживы. Таким образом, ссылка Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в определении на то, что приобретение Кареповым бязи и продажа им 300 м бязи были вызваны спекулятивными побуждениями, является необоснованной.

Обвинение Карепова в том, что он сдал принадлежавшую ему пряжу в Кинешемскую артель для переработки на бязь от имени рыбного завода и использовал для этого подложные документы, материалами дела, в том числе и личными показаниями Карепова, доказано.

Считая, что продажа Кареповым при вышеуказанных обстоятельствах 300 м принадлежавшей лично ему бязи по цене ниже стоимости бязи в розничной государственной торговле не дает оснований для обвинения его в совершении преступления, предусмотренного ст. 107 УК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка г. Кинешмы Ивановской области, определения судебных коллегий по уголовным делам Ивановского областного суда и определения Верховного суда РСФСР в части осуждения Карепова по ст. 107 УК РСФСР отменить и дело по обвинению его в этой части в силу п. 5 ст. 4 УПК РСФСР в уголовном порядке прекратить, приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда в части осуждения Карепова по ч. 2 ст. 72 УК РСФСР оставить без изменения.

10. ПРИГОВОР ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ ОСТАЛИСЬ НЕИССЛЕДОВАННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ

Дело Штановых И. и Н. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 16 февраля 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка г. Муром Владимирской области осуждены по ч. 2 ст. 175

УК РСФСР Штанов Иван Андреевич и Штанов Николай Степанович. Определением Судебной коллегии

по уголовным делам Владимирского областного суда приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения о прекращении дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Штанов Иван и Штанов Николай признаны виновными в том, что они по сговору между собой, с целью мести, в ночь на 9 ноября подожгли амбар в деревне Совково, принадлежащий председателю колхоза им. Молотова Зуеву. Пожаром был уничтожен амбар с находившимся в нем имуществом.

Приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

В приговоре указано, что 7 ноября Штановы Иван и Николай сговорились между собой поджечь амбар, принадлежавший Зуеву. Чтобы не навлечь подозрений, 8 ноября 1950 г. Штанов Николай ушел в деревню Кошкинку в гости к своей теще Сафоновой. В 12 часов ночи он возвратился в деревню Совково, зашел к Штанову Ивану, который взял бутылку с керосином, а затем вместе пошли на усадьбу Зуева и подожгли амбар. После поджога Штанов Иван убежал домой, бросив бутылку из-под керосина, а Штанов Николай возвратился в деревню Кошкинку.

В обоснование своих выводов о виновности Штановых суд сослался на следующие улики: при обыске у Штанова Ивана было обнаружено пальто, от кармана которого шел запах керосина; след сапог, шедший от места происшествия к дому Штанова Ивана, совпал с размером сапог последнего; его жена — Штанова Мария разбила бутылку из-под керосина, найденную потерпевшим Зуевым на огороде, вблизи места происшествия.

Кроме того, в приговоре указано, что Штановы уличаются собственным признанием на предварительном следствии, показаниями их

жен — Марии и Татьяны — на предварительном следствии и показаниями свидетеля Сафоновой как на предварительном следствии, так и в судебном заседании.

Между тем на суде Штановы виновными себя не признали и заявили, что их признание на предварительном следствии было неправильным.

Свидетель Штанова Татьяна также показала, что протокол допроса она подписывала против своего желания.

На предварительном следствии Штанова Татьяна показывала, что она вместе со своим мужем Штановым Николаем и своими сестрами Сафоновой Александрой, Сафоновой Екатериной и Ворохобиной Анной в 11 часов утра 8 ноября пошли в деревню Кошкинку к родственникам. Позавтракав у матери, Сафоновой Елены, в 8 часов они зашли к гостившему у последней Маркову, у которого выпивали до 11 часов ночи. Выйдя от Маркова, как показала далее Штанова Татьяна, ее муж — Штанов Николай куда-то ушел, и она застала его в доме своей матери, откуда он тотчас же ушел и долго не возвращался. Увидела она его снова в 3 часа ночи, когда проснулась от разговоров зашедших в дом молодых людей из деревни Носиково, просивших у Штанова Николая закурить.

На суде же Штанова Татьяна показала, что, выйдя от Маркова, она вместе с мужем и сестрами пришла в дом к матери Сафоновой и спала до утра.

Свидетель Марков на предварительном следствии показал, что Штанов Николай, уходя от него, хотя и был выпивши, но хорошо держался на ногах, а в суде заявил, что Штанов Николай, когда выходил из дома, был сильно пьян, держался за стенку, чтобы не упасть, а когда вышел, то его под руку взяла родственница.

Свидетель Волков показал, что он вместе со Штановым Николаем завтракал у его тещи Сафоновой,

а потом пил водку у Маркова. После окончания вечеринки в час ночи он заходил к Сафоновой забрать свое пальто, разбудил Штанова Николая и просил у него закурить, но последний не мог встать и заставил тещу искать табак.

Сафонова Елена подтвердила, что 8 ноября часов в 11 ночи Штанова Николая привели к ней в дом пьяного. Она уложила всех спать и сама пошла на дежурство охранять сельсовет и магазин сельпо. В час ночи опять заходила в дом, дала Волкову оставленное им пальто и при этом видела, что Штанов спит.

Суд в приговоре указал, что показаниям свидетеля Волкова он не верит, так как этот свидетель был вызван по ходатайству подсудимых только во второе судебное заседание и его показания находятся в противоречии с показаниями свидетелей Штановой Татьяны и Сафоновой, данными ими на предварительном следствии, а в суде они отказались только потому, что являются близкими родственниками подсудимых.

Однако из показаний этих свидетелей на предварительном следствии нельзя сделать определенного вывода о том, что Штанов Николай принимал участие в поджоге амбара. Из показаний Штановой Татьяны явствует, что из деревни Совково в деревню Кошкинку она с мужем и сестрами шла не менее 2 часов.

Каково расстояние между деревнями Совково и Кошкинкой, в деле нет данных, и мог ли его преодолеть Штанов Николай, будучи в нетрезвом виде, за 1½—2 часа, не установлено.

Кроме того, на предварительном следствии Штанов Иван показал, что он со Штановым Николаем договаривался о поджоге амбара 7 ноября во время выпивки. По его словам, 8 ноября в 11 часов вечера к нему в дом зашел Штанов Николай в нетрезвом виде, и оба они тихо, чтобы не разбудить жену, взяли бутылку с керосином и вдвоем пошли вдоль речки по кустам к амбару Зуева. Далее Штанов Николай

взял у него бутылку с керосином, через дыру в стене вылил керосин внутрь амбара и поджег, заткнув дыру в двери (кошачий лаз) найденной на огороде тряпкой.

Штанов Николай утверждал, что он в 12 часов ночи отправился из деревни Кошкинки в деревню Совково, зашел в дом Штанова Ивана, договорился с ним поджечь амбар Зуева, взял керосин, и оба они пошли к дому Зуева. Штанов Иван выплеснул керосин внутрь амбара через отверстие в двери и поджег его, а он заткнул тряпкой дыру, чтобы не было видно огня, и побежал в деревню Кошкинку.

Жена Штанова Ивана — Штанова Мария показала, что часов в 12 ночи на 9 ноября к ним кто-то постучал в окно, муж якобы вышел. Возвратившись минут через 30, сказал, что это был Штанов Николай.

Сопоставляя показания осужденных и их жен, усматривается ряд противоречий. Штанов Иван, например, показал, что о поджоге они договорились 7 ноября, а Штанов Николай это обстоятельство относит к 8 ноября 1950 г. Существенными противоречиями являются их указания о времени прихода Штанова Николая в дом Штанова Ивана. Показания Штановой Марии резко противоречат показаниям Штанова Ивана в вопросе, связанном с приходом к ним Штанова Николая.

Из материалов дела усматривается, что в ночь на 9 ноября Зуев с женой находился в деревне Селино, где они гуляли на свадьбе, дома оставалась его мать.

В сгоревшем амбаре находился погреб. Мать Зуева не опрошена о том, ходила ли она вечером 8 ноября в амбар и погреб, каким при этом пользовалась освещением и т. п.

Также судом не выяснен вопрос, где Зуев обнаружил бутылку и при каких обстоятельствах эту бутылку разбила Штанова Мария.

При таких данных по делу нельзя согласиться с постановкой вопроса, изложенного в протесте, о прекращении дела, тогда как имеется ряд

невыясненных обстоятельств и неуточненных противоречий.

При новом рассмотрении дела суду надлежит выяснить время возникновения пожара, за какое время Штанов Николай мог прийти из деревни Кошкинки в деревню Совково и возвратиться обратно, имелась ли зажигалка у Штанова Николая и когда он ею перестал пользоваться, при каких обстоятельствах разбила бутылку Штанова Мария, мог ли Зуев среди множества следов различить следы Штанова Ивана. Необходимо также допросить мать Зуева о том, ходила ли она вечером 8 ноября в амбар или погреб и каким при этом пользовалась освещением, а также уточнить противоречивые показания свидетелей и в зависимости от добытых доказательств разрешить

вопрос о виновности Штановых Ивана и Николая или выявить другую версию возникновения пожара.

Кроме того, при доследовании необходимо установить, каковы были отношения между Штановыми и Зуевым, так как этот вопрос в достаточной мере не исследован.

На основании изложенного Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го участка г. Муром и определение судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда отменить и дело по обвинению Штанова Ивана Андреевича и Штанова Николая Степановича передать Владимирскому областному суду на новое рассмотрение по первой инстанции.

**11. НЕОБОСНОВАННОЕ ОБВИНЕНИЕ В ИЗНАСИЛОВАНИИ.
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУД МОЖЕТ СВОИМ
ПРИГОВОРОМ ПОСТАНОВИТЬ О ВЗЫСКАНИИ С ПОДСУДИМОГО МАТЕРИАЛЬНОГО
УЩЕРБА ТОЛЬКО В ПОЛЬЗУ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПНЫХ
ДЕЙСТВИЙ, В КОТОРЫХ ПОДСУДИМЫЙ ПРИЗНАН ВИНОВНЫМ**

*Дело И. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 30 января 1952 г.*

По приговору народного суда Надворнянского района Станиславской области И. осужден по ст. 18 УК УССР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Кроме того, народным судом удовлетворен в уголовном деле гражданский иск конторы Надворнянской нефтеразведки, взыскано в пользу последней с И. 1022 р. 26 к.

Станиславским областным судом приговор оставлен в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР принесен на предмет отмены приговора и определения и прекращения дела в уголовном порядке, а в части гражданского иска передачи дела на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

И. признан виновным в том, что 24 марта 1950 г., возвратившись домой в 12 часов ночи в нетрезвом виде, намереваясь позаимствовать у своей соседки по квартире дров, зашел к ней в комнату и, обнаружив, что мужа нет дома, накинулся на потерпевшую, свалил ее на кровать и пытался изнасиловать, при этом порвал на потерпевшей белье.

Выводы о виновности в попытке изнасилования В. народный суд обосновал показаниями потерпевшей В., ее мужа и восьмилетней дочери, допрошенных судом в качестве свидетелей.

Народный суд в приговоре сослался также на вещественные доказательства — белье потерпевшей.

Из материалов дела видно, что 25 марта 1950 г. потерпевшая В. обратилась с заявлением о привлечении И. к уголовной ответственности. Потерпевшая в этом заявлении утверждала, что ее сосед по квартире И. в ночь на 25 марта 1950 г. в

12 часов, сорвав дверь с крючка, ворвался в ее комнату, скрутил ей руки, свалил на кровать и пытался изнасиловать, порвав на ней белье. Кроме того, потерпевшая В. сообщила, что И. избил ее до такого состояния, что она не может ходить.

Вещественных доказательств (порванного белья) потерпевшая ни органам следствия, ни суду не представила, в связи с чем ссылка приговора на вещественные доказательства в приговоре не обоснована.

Потерпевшая в день заявления, т. е. тогда же, 25 марта 1950 г., подвергалась медицинскому осмотру. При этом осмотре на потерпевшей телесных повреждений не обнаружено.

Свидетель В. — муж потерпевшей — заявил, что при возвращении его домой в первом часу ночи жена ему сообщила о происшедшем. Это и побудило его заставить жену сделать заявление в милицию, куда он с ней ходил сам.

Восьмилетняя дочь потерпевшей, допрошенная в качестве свидетеля, показала, что, проснувшись от крика, она увидела, что в кухне их квартиры находится пьяный И., мать сильно толкнула его, он упал, а потом поднялся и нехорошими словами ругал мать, которая его вытолкнула из квартиры и закрыла двери.

В суде девочка показала, что И. сломал дверь, бранил мать и пытался ее бить.

И., отрицая свою вину, утверждал следующее: возвратившись домой, он узнал, что дома нет дров. С целью позаимствовать дров он пошел к своей соседке. Дверь у В. была не заперта, и, когда он вошел и стал просить дров, В. дров не дала, стала кричать и бранить его, на что он ей также отвечал, а потом ушел домой.

Таким образом, показания потерпевшей В. не нашли подтверждения в объективных данных дела. Заявление В. о побоях опровергнуто заключением медицинской экспертизы. Показания же свидетеля-очевидца —

девочки также не подтвердили показания потерпевшей, а в некоторой части подтвердили показания обвиняемого.

Следовательно, обвинение И. в попытке изнасилования В. не нашло подтверждения в материалах дела. Однако его появление в ночное время в нетрезвом состоянии в чужой квартире и нецензурную брань следует квалифицировать как хулиганство.

К моменту рассмотрения дела И. в суд поступило исковое заявление Надворнянской конторы нефтеразведок, которая просила суд взыскать с И. 1022 р. 26 к. дебиторской задолженности, образовавшейся за И. в период работы в конторе.

Народный суд, не вызывая истца и не рассматривая по существу в судебном заседании иска, неосновательно, в нарушение ст. ст. 15 и 17 УПК УССР, приобщил исковое заявление к уголовному делу И. и при вынесении приговора удовлетворил иск, взыскав с И. 1022 р. 26 к. в пользу конторы.

Несмотря на такое грубое нарушение народным судом закона, Stanisлавский областной суд, рассматривая кассационную жалобу и отмечая эти нарушения в определении, пришел к выводу о нецелесообразности отмены приговора в части гражданского иска, как нарушения формального.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Надворнянского района и определение Stanisлавского областного суда в части осуждения И. по ст. 18 УК УССР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» изменить, действия его переквалифицировать на ч. 2 ст. 70 УК УССР, а в части гражданского иска приговор и определение отменить и передать дело в этой части на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

**12. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА ОБ ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА, ПРЕДРЕШАЮЩЕЕ
ВИНОВНОСТЬ ЛИЦА, ОПРАВДАННОГО ПО СУДУ, И СОДЕРЖАЩЕЕ
УКАЗАНИЕ НА ПРЕИМУЩЕСТВО ОДНИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД ДРУГИМИ,
ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ**

*Дело Сваловой. Определение Железнодорожной коллегии
от 20 февраля 1952 г.*

[Извлечение]

Согласно обвинительному заключению Сваловой было предъявлено обвинение в том, что она, будучи проводником вагона пассажирского поезда, 2 декабря 1950 г. после отправления поезда со станции столкнула гр-ку Шубину с подножки вагона, в результате чего Шубина упала под вагон и колесом ей отрезало левую ногу выше колена. Преступные действия Сваловой были квалифицированы по ч. 1 ст. 59^{3а} УК РСФСР.

По приговору линейного суда Казанской ж. д. Свалова оправдана за недоказанностью предъявленного ей обвинения.

Определением окружного суда железнодорожного транспорта Приволжского округа приговор отменен и дело передано на новое судебное рассмотрение.

В протесте Председатель Верховного суда СССР ставит вопрос об отмене определения окружного суда и передаче дела на новое кассационное рассмотрение.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия установила:

Оправдательный приговор линейный суд мотивировал ссылкой на то, что показания свидетелей противоречивы.

Свидетель Новоселов показал, что он видел, как Шубину правой рукой толкнула проводница Свалова, а свидетель Матин утверждал, что Свалова толкнула Шубину флажком. Брат потерпевшей — свидетель Шубин показал, что он видел, как Свалова разжимала руки Шубиной от поручней вагона. Между тем сама потерпевшая Шубина показывала суду, что держалась только одной рукой.

Линейный суд признал, что показания этих свидетелей опровергаются

показаниями свидетеля Зырянова, находившегося во время отправления поезда со станции рядом с проводником Сваловой, который показал, что Шубина прыгнула на подножку вагона тогда, когда поезд двигался со скоростью 10—15 км в час, и что Свалова не сталкивала с подножки Шубину.

Показания Зырянова находят подтверждение в показаниях потерпевшей Шубиной в той части, в которой она указывает, что не видела, толкала ли ее Свалова или нет, а лишь почувствовала толчок в грудь, от которого она упала под вагон, и так как никого другого на подножке вагона, кроме проводницы Сваловой, не было, то она, Шубина, считает, что толкнула ее в грудь Свалова.

Свидетель Можарин в судебном заседании показал, что Шубина держалась лишь одной рукой за поручни вагона и оборвалась со ступеньки вагона.

Линейный суд, сопоставляя показания свидетелей и потерпевшей, пришел к выводу о недоказанности обвинения.

Отменяя приговор, окружной суд железнодорожного транспорта Приволжского округа в определении указал, что «... при наличии категорических утверждений на суде свидетелей Новоселова и Матина о том, что они лично видели, как проводница Свалова столкнула с подножки вагона гр-ку Шубину, суд не мог сделать вывод о невинности Сваловой на основании показаний свидетеля Зырянова, утверждающего, что Свалова не сталкивала Шубину...».

Определение окружного суда об отмене приговора предрешает вопрос о виновности Сваловой и содержит прямое утверждение о пре-

имуществвах одних доказательств перед другими.

Отменяя приговор и передавая дело Сваловой на новое судебное рассмотрение, окружной суд должен был в определении указать лишь на те обстоятельства, которые не были учтены линейным судом при рассмотрении дела.

Учитывая, что определение окружного суда по делу Сваловой постановлено с нарушением требований ст. 320 УПК РСФСР и постановления Пленума Верховного суда

СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке», соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение окружного суда железнодорожного транспорта Приволжского округа в отношении Сваловой отменить и дело направить на новое рассмотрение в окружной суд железнодорожного транспорта Центрального округа.

13. ПРИ ИЗМЕНЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СТАТЬЮ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩУЮ БОЛЕЕ МЯГКОЕ НАКАЗАНИЕ, СУД ДОЛЖЕН В ПРИГОВОРЕ ПРИВЕСТИ ДОВОДЫ, ОПРОВЕРГАЮЩИЕ ФОРМУЛУ ОБВИНЕНИЯ, ПО КОТОРОЙ ПОДСУДИМЫЙ ПРЕДАВАЛСЯ СУДУ, И ОБОСНОВАТЬ ПРИГОВОР ПО НОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дело Миргородского и других. Определение Железнодорожной коллегии от 23 февраля 1952 г.

По приговору окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа были осуждены: Миргородский — по ч. 2 ст. 68 и ч. 2 ст. 105 УК УССР, Пушенко — по ст. 97 и ч. 2 ст. 105 УК УССР и Безродный и Софиенко — по ст. 97 УК УССР.

Рассмотрев дело по кассационному протесту прокурора Юго-Западного округа, в котором ставится вопрос об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Работники Юго-Западной ж. д. — помощник дорожного ревизора Министерства путей сообщения СССР Миргородский, начальник дистанции пути Софиенко, его заместитель Безродный и главный бухгалтер той же дистанции пути Пушенко — обвинялись в том, что, войдя между собой в преступный сговор, расхищали государственные денежные средства. С этой целью они незаконно от имени дистанции пути заключали догово-

воры с различными предприятиями, имеющими подъездные пути, на составление технической документации, причем сметы на выполнение предусмотренных договорами работ составлялись заведомо по завышенным ценам.

Общий размер превышения договорных сумм и расценок составлял 59 363 руб., которые и были незаконно получены и разделены между Миргородским, Софиенко, Безродным и Пушенко, а чтобы скрыть это преступление, были составлены фиктивные наряды и платежные ведомости на вымышленных рабочих, подписи которых в получении денег подделал Миргородский.

Миргородский, кроме того, в комиссию по установлению трудового стажа представил фиктивную справку о работе в машинно-путевой станции и в результате незаконно получил 1080 руб.

По обвинительному заключению действия обвиняемых квалифицированы: Миргородского — по ч. 2 ст. 68 УК УССР и ст. 2 Указа Президиума

Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а Пушенко, Безродный и Софиенко — по ст. 97 УК УССР и ст. 2 названного выше Указа от 4 июня 1947 г.

Окружной суд Юго-Западного округа, рассмотрев дело в судебном заседании, признал виновность Миргородского, Пушенко, Софиенко и Безродного в хищении государственных средств недоказанной.

Миргородского окружной суд признал виновным в нарушении постановления СНК СССР от 20 апреля 1934 г.¹, выразившегося в том, что он без разрешения руководства Управления дороги работал по совместительству на ряде предприятий по составлению технической документации на подъездные пути необщего пользования.

С целью беспрепятственного получения денег за выполненные работы Миргородский договорился с Пушенко об оформлении договоров на эти работы от имени дистанции пути и о получении денег через бухгалтерию дистанции. Во исполнение этой договоренности Пушенко всю документацию по заключению договоров и на выплату денег из кассы дистанции давал на подпись Софиенко или Безродному, которые, зная, что работы, указанные в договорах, будет выполнять Миргородский, все же подписывали от имени дистанции договоры и всю другую документацию.

С поступлением денег на расчетный счет дистанции Миргородский и Пушенко составляли фиктивные ведомости на выплату денег на вымышленных лиц, а затем, получив деньги, Миргородский часть их в виде взятки за оказываемые услуги передавал Пушенко.

Всего таким путем, как указано в приговоре, за время с декабря 1946 года по сентябрь 1949 года было заключено шесть договоров и

Миргородским было получено из кассы дистанции по фиктивным документам 72 152 руб., из которых 15 400 руб. в виде взятки он передал Пушенко, а остальные 56 752 руб. обратил в личную пользу.

По приговору суда Софиенко и Безродный признаны виновными в том, что они, злоупотребляя служебным положением, в нарушение Положения о дистанции пути и без разрешения руководства дороги, по договоренности с Пушенко заключали договоры с предприятиями на составление паспортов подъездных путей необщего пользования. Софиенко, кроме того, подписывал заведомо фиктивные документы на выплату денег из кассы дистанции пути якобы рабочим, тогда как фактически деньги получал Миргородский.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что приговор окружного суда в отношении всех осужденных подлежит отмене по следующим основаниям:

Судебное следствие по данному делу проведено неполно, в связи с чем остался неисследованным ряд вопросов, от выяснения которых зависит правильность квалификации действий Миргородского, Пушенко и Софиенко.

Техническая экспертиза в заключении указала, что дистанция пути при заключении договоров и составлении смет на работы по паспортизации подъездных путей необщего пользования обязана была руководствоваться преискурантом «Союзтранспроекта» НКПС СССР 1943 года и калькуляцией, утвержденной начальником Юго-Западной ж. д., на работы, не предусмотренные преискурантом, а не исходить из расценок работ по преискуранту «ВТИЗ», которым, по объяснениям осужденных, они пользовались при исчислении стоимости работ, произведенных Миргородским.

Та же экспертиза в заключении указала, что Софиенко и Безродный не имели права заключать договоры от имени дистанции пути на изго-

¹ СЗ СССР 1934 г. № 21, ст. 172.

товление паспортов для промышленных предприятий без разрешения вышестоящих инстанций, т. е. без ведома Управления дороги.

Из объяснений Софиенко видно, что он действительно не вправе был без разрешения Управления дороги заключать договоры с нетранспортными организациями, но допускал это потому, что пошел навстречу ревизору по безопасности движения Миргородскому, чтобы дать Миргородскому возможность получить дополнительный заработок, а сам лично не преследовал при этом корыстных целей.

По поводу завышения стоимости изыскательских работ на сумму 59 363 руб. осужденные Миргородский, Софиенко и Пушенко объяснили, что это произошло потому, что они при заключении договоров и при производстве расчетов за выполненные работы исходили из расценок, предусмотренных прейскурантом «ВТИЗ», а не «Союзтранспроекта».

С учетом изложенного суду необходимо было выяснить, какими указаниями, исходящими из вышестоящих инстанций, о порядке заключения договоров с нетранспортными предприятиями на выполнение специальных работ располагала дистанция пути; обязана ли была дистанция пути при заключении договоров составлять предварительные сметы и каковы были указания о том, чем надлежало руководствоваться при исчислении стоимости тех или иных работ.

Из материалов дела видно, что прейскуранты «ВТИЗ» и «Союзтранспроекта» предусматривают различные нормативы и расценки. В этой связи суду надлежало выяснить, не является ли это результатом неодинаковых технических условий.

Окружной суд в приговоре не дал оценки заключению технической экспертизы и ограничился ссылкой лишь на то, что полученные Миргородским денежные суммы за произведенные работы в основном соот-

ветствовали прейскуранту «ВТИЗ», распространявшемуся в то время на предприятия, в которых Миргородский производил паспортизацию путей необщего пользования.

Окружной суд, вопреки требованию ст. 276 УПК РСФСР, ничем не мотивировал несогласие с технической экспертизой, признавшей, что ни Софиенко, ни Миргородский и никто другой из осужденных по настоящему делу не вправе были пользоваться прейскурантом «ВТИЗ».

Выводы в приговоре суда о том, что в действиях осужденных Миргородского, Пушенко и Софиенко не установлено наличия умысла, направленного на расхищение государственных средств, также ничем не мотивированы. Не приведено доводов, на основании которых суд признал предъявленное им обвинение по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. недоказанным, тогда как фиктивность отдельных договоров и, в частности, фиктивность дополнительного договора с заводом на 2900 руб. и незаконное получение этих денег признают сами осужденные, в частности Софиенко и Миргородский.

В приговоре суда отсутствует также какая-либо оценка материалов дела, касающихся незаконного переполучения денежных средств по договору, во втором экземпляре которого Софиенко учинил подлог и сумму договора 3000 руб. исправил на 1500 руб.

Не дано в приговоре и оценки факту переполучения Миргородским 1080 руб. по фиктивной справке о работе в машинно-путевой станции.

На основании изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа в отношении Миргородского, Софиенко и Пушенко отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного разбирательства.

**14. СУДОМ, РАССМАТРИВАЮЩИМ ДЕЛО В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ,
ДОЛЖНО БЫТЬ ОБЕСПЕЧЕНО СТРОГОЕ И НЕУКЛОННОЕ
СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ, КАСАЮЩИХСЯ ВЫЗОВА СТОРОН**

*Дело Петрова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 13 февраля 1952 г.*

По приговору народного суда 1-го участка г. Коломны Московской области Петров осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда приговор суда оставила в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены определения областного суда и направления дела на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Петров, работавший директором стадиона «Машиностроитель», признан виновным в том, что в августе 1950 года по фиктивным документам получил из кассы завода на благоустройство стадиона 3933 руб. и эту сумму присвоил.

21 февраля 1951 г. Петров направил заказным письмом в народный суд кассационную жалобу на приговор народного суда, после чего дважды справлялся в народном суде о дне рассмотрения его жалобы в Московском областном суде. Первоначально ему было сообщено, что дело будет слушаться в областном суде 4 декабря, а затем секретарь народного суда сообщила, что дело будет слушаться не 4, а 11 декабря 1951 г.

В связи с этим адвокат Крылова, защищавшая в суде интересы Петрова, выписала в юридической консультации ордер для выступления в кассационной инстанции на 11 декабря 1951 г.

В этот день осужденный Петров и адвокат Крылова прибыли в Московский областной суд для участия в судебном заседании при рассмотрении кассационной жалобы, но в областном суде им сообщили, что это дело было рассмотрено 4 декабря 1951 г.

В деле имеется справка народного суда о том, что дело назначено к слушанию в Московском областном суде на 4 декабря 1951 г. и что об этом объявлено сторонам 22 ноября 1951 г.

Однако на справке отсутствуют подписи как осужденного Петрова, так и его адвоката Крыловой, в связи с чем нельзя признать эту справку доказательством, опровергающим доводы осужденного Петрова.

Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда, не имея данных об извещении осужденного о дне слушания дела, рассмотрела дело, грубо нарушив этим требования ст. 409 УПК РСФСР и п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке».

По изложенным основаниям, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 4 декабря 1951 г. отменить и дело по обвинению Петрова направить на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегия, но в ином составе судей.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ФОРМУЛИРОВКА ПРИЧИНЫ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА ДОЛЖНА БЫТЬ УКАЗАНА В ТРУДОВЫХ ДОКУМЕНТАХ В ТОЧНОМ СООТВЕТСТВИИ С ФОРМУЛИРОВКАМИ КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ

*Определение по делу № 36/1092. Иск Аксеновой
к средней школе о восстановлении на работе*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Барановичского областного суда от 30 ноября 1950 г. и определение Верховного суда БССР от 19 декабря 1950 г. по иску Аксеновой к средней школе о восстановлении на работе и взыскании за вынужденный прогул.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Аксенова обратилась в суд с иском к средней школе о восстановлении ее на работе и взыскании за вынужденный прогул. В исковом заявлении Аксенова объяснила, что она с 25 августа 1949 г. по 13 апреля 1950 г. работала у ответчика в качестве секретаря-делопроизводителя и приказом по средней школе 13 апреля 1950 г. была уволена с работы.

Ответчик против иска Аксеновой возражал и предъявил встречный иск о взыскании с Аксеновой 380 руб., полученных ею от учеников школы в счет платы за обучение.

Барановичский областной суд 30 ноября 1950 г. в иске Аксеновой о восстановлении на работе и взыскании за вынужденный прогул от-

казал и взыскал с Аксеновой в пользу средней школы 380 руб. в возмещение причиненного ущерба.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда БССР 29 декабря 1950 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит частичному удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно п. «г» ст. 10 постановления СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек» в случае увольнения работника причина увольнения должна быть указана в точном соответствии с формулировками Кодекса законов о труде или в виде ссылки на статью (пункт) этого кодекса.

В приказе от 13 апреля 1950 г. об увольнении Аксеновой сказано, что Аксенова уволена «как не справившаяся с работой и за присвоение государственных средств».

Такая формулировка не соответствует ст. 47 КЗоТ БССР, а потому является неправильной.

Доводы суда о том, что формулировка и само увольнение Аксеновой подпадают под п. «д» ст. 47 КЗоТ, нельзя признать обоснован-

¹ СП СССР 1938 г. № 58, ст. 329.

ными, так как увольнение работника по п. «д» ст. 47 КЗоТ может быть произведено в случае, когда нанявшимся совершено уголовно-наказуемое деяние, непосредственно связанное с работой, и это преступление установлено вступившим в силу приговором суда.

Поскольку против Аксеновой не было возбуждено уголовного преследования и она под стражей не находилась, увольнение ее не может быть формулировано по п. «д» ст. 47 КЗоТ.

Как видно из содержания приказа об увольнении Аксеновой и других документов, имеющих в деле, Аксенова за период своей работы у ответчика систематически не выполняла своих обязанностей без

уважительных причин, за что она имела дисциплинарные взыскания.

При таких обстоятельствах следует считать Аксенову уволенной по п. «г» ст. 47 КЗоТ, и в этой части решение суда подлежит изменению.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Изменить решение Барановичского областного суда от 30 ноября 1950 г. и определение Верховного суда БССР от 19 декабря 1950 г. в части формулировки увольнения Аксеновой и считать ее уволенной с работы по п. «г» ст. 47 КЗоТ; в остальной части решение областного суда и определение Верховного суда БССР оставить в силе.

2. ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Определение по делу № 36/1972 по иску Ждановой к совхозу о восстановлении на работе

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 ноября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Приморского краевого суда по иску Ждановой к совхозу о восстановлении на работе.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Жданова работала в совхозе в должности нарядчика-нормировщика. Приказом директора совхоза была уволена с работы за самовольное занятие квартиры ее мужем, который работал в этом же совхозе.

В момент увольнения с работы Жданова была беременна.

Считая увольнение с работы неправильным, Жданова обратилась в народный суд с иском к совхозу о восстановлении ее на работе.

Народный суд Михайловского района Приморского края решением от 25 января 1950 г. восстановил Жданову на прежней работе в совхозе с уплатой ей за вынужденный прогул со дня увольнения по день вынесения решения о восстановлении на работе.

Судебная коллегия Приморского краевого суда решение народного суда отменила и дело производством прекратила по тем мотивам, что решением РКК увольнение Ждановой признано правильным и, поскольку решение РКК не было отменено вышестоящей профорганизацией, суд не вправе был принимать дело к своему производству.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела усматривается, что Жданова уволена с работы с грубым нарушением трудового законодательства.

Жданова в момент ее увольнения была беременна, и директор совхоза не мог ее увольнять, так как в силу постановления НКТ РСФСР от 8 августа 1922 г.¹ беременные женщины могут быть уволены лишь в исключительных случаях с получением

¹ «Известия НКТ СССР» 1922 г. № 5/14.

каждый раз разрешения соответствующего инспектора труда.

Кроме того, мотивы увольнения Ждановой с работы, указанные в приказе директора совхоза, не соответствуют требованиям закона.

Статья 47 КЗоТ содержит перечень оснований, по которым трудовой договор может быть досрочно расторгнут администрацией. Однако мотивы увольнения Ждановой с работы, указанные в приказе, не соответствуют ст. 47 КЗоТ.

При рассмотрении дела народный суд, установив грубейшие нарушения закона при увольнении Ждановой с работы со стороны директора совхоза, правильно восстановил Жданову на прежней работе.

Решение народного суда является неправильным лишь в части взыскания в пользу истицы за время вынужденного прогула. В соответствии со ст. 4 постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г.¹ в случае признания судом произведенного увольнения неправильным суд выносит решение о вознаграждении неправильно уволенного работника за время вынуж-

денного прогула с момента увольнения из расчета среднего заработка, но не более чем за 20 дней.

Прекращение дела производством Приморским краевым судом в связи с тем, что стороны на РКК пришли к соглашению и признали правильным увольнение с работы Ждановой, является неправильным.

Из приобщенных к делу материалов видно, что решение РКК отменено постановлением ЦК профсоюза работников государственных учреждений с предоставлением права Ждановой обратиться в суд с иском о восстановлении на работе.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда отменить, оставить в силе решение народного суда Михайловского района с изменением в части взыскания в пользу Ждановой вознаграждения за вынужденный прогул, взыскав с совхоза в пользу Ждановой за 20 дней вынужденного прогула.

3. ОТ ЛИЦА, КОТОРОЕ ДОБРОСОВЕСТНО ПРИОБРЕЛО ИМУЩЕСТВО НЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО У СОБСТВЕННИКА, ПОСЛЕДНИЙ ВПРАВЕ ИСТРЕБОВАТЬ ИМУЩЕСТВО ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, КОГДА ОНО ИМ (СОБСТВЕННИКОМ) УТЕРЯНО ИЛИ ПОХИЩЕНО У НЕГО (СТ. 60 ГК РСФСР)

Определение по делу № 36/999. Иск Кочкиной к Бирюкову и Весновской о расторжении договоров купли-продажи дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 ноября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 4-го участка Московского района г. Ленинграда от 13 июня 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского городского суда от 4 июля 1951 г. по иску Кочкиной к Бирюкову и Весновской о расторжении договоров купли-продажи дома.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Кочкиной принадлежал на праве личной собственности дом в г. Сестрорецке. В августе 1948 года Кочкина продала дом гр. Бирюкову, родственники которого проживали в одном доме с Кочкиной в г. Ленинграде и были ей хорошо известны. Договор купли-продажи был нотариально оформлен.

Через некоторое время Кочкина потребовала от Бирюкова расторжения договора купли-продажи и возвращения ей дома.

Бирюков вначале согласился возратить дом Кочкиной, но затем от-

¹ СП СССР 1939 г. № 1, ст. 1.

казался и продал дом 24 марта 1949 г. гр. Весновской, оформив договор купли-продажи в установленном порядке.

Кочкина предъявила в суде иск к Бирюкову и Весновской о признании договоров купли-продажи дома недействительными. Свое исковое заявление Кочкина мотивировала тем, что договор купли-продажи дома Бирюкову заключен без намерения породить юридические последствия, что фактически дом она не продавала Бирюкову, деньги за дом с Бирюкова не получала и стоимость дома в договоре указана ниже его действительной стоимости. Истица также заявила, что Весновская была предупреждена о том, что Бирюков не является владельцем дома и не имеет права его продавать.

Народный суд 4-го участка Московского района г. Ленинграда решением от 13 июня 1951 г. признал за Кочкиной право на дом, а договоры от 26 августа 1948 г. и 24 марта 1949 г. недействительными.

Определением Ленинградского городского суда от 4 июля 1951 г. решение народного суда Московского района г. Ленинграда оставлено в силе.

Генеральный Прокурор СССР, считая решение народного суда и определение Ленинградского городского суда неправильными, внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Решение народным судом вынесено с нарушением ст. ст. 5 и 118 ГПК РСФСР по недостаточно исследованным материалам дела.

Признавая сделку купли-продажи дома, заключенную между Кочкиной и Бирюковым 26 августа 1948 г., фиктивной, суд в обоснование такого вывода положил два документа, а именно:

1) Расписку родственницы Бирюкова гр-ки Фоминой, выданную Кочкиной, в которой она подтверждает фиктивность сделки, заключенной

между Кочкиной и Бирюковым, а также подтверждает обязанность Бирюкова вернуть дом Кочкиной.

2) Расписку, написанную самой Кочкиной и подписанную Бирюковым, которая свидетельствует о том, что Бирюков обязуется дом, принадлежащий Кочкиной, не присваивать, что купля-продажа оформлена фиктивно и что если Бирюков дом присвоит, то он обязуется выплатить 60 000 руб.

Между тем оба эти документа по своему содержанию вызывают сомнение в достоверности.

Расписка Фоминой, являющейся родственницей Бирюкову, если даже и была выдана Кочкиной, не может создавать обязательства для Бирюкова в силу ст. 39 ГК РСФСР, поскольку по делу не доказано, что расписка Фоминой выдавалась с ведома Бирюкова и что Фомина на выдачу была уполномочена Бирюковым.

В судебном заседании суд не исследовал этого обстоятельства и не установил, была ли уполномочена Фомина выдавать гарантийную расписку и действовала ли она с ведома Бирюкова и по его поручению.

Написанная Кочкиной расписка, на которой имеется подпись Бирюкова, вызывает сомнение по своему содержанию. Написана она на бланке карточки налогового учета граждан, имеющих строения. По данным Сестрорецкого райфинотдела Кочкина действительно в январе 1949 года получила карточку налогового учета на имя Бирюкова, но заполненной карточки не сдала.

Бирюков же по этому поводу объяснил, что он от Кочкиной получил бланк налогового учета, заполнил его и подписал как владелец домостроения для представления в райфинотдел и передал Кочкиной, которая обещала сдать бланк по принадлежности в райфинотдел.

Объяснения Бирюкова по этому вопросу в присутствии Кочкиной судом проверены не были, так как Бирюков не участвовал в судебном заседании 13 июня 1951 г.

Ссылка в расписке Кочкиной на то, что фиктивность сделки купли-продажи дома известна гражданам Козлову и Лебедевой, опровергается показаниями этих свидетелей.

Признавая недействительным договор купли-продажи дома, заключенный между Кочкиной и Бирюковым 26 августа 1948 г., суд ссылается в решении на то, что договор нотариально не оформлен.

Это утверждение суда противоречит материалам дела, так как в деле имеются справки бюро инвентаризации исполкома Сестрорецкого райсовета депутатов трудящихся и Сестрорецкой нотариальной конторы о том, что договор купли-продажи дома нотариально оформлен.

В деле нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что Весновская была предупреждена, что Бирюков не является собственником дома.

Из показаний же Кочкиной видно, что она Весновскую не предупреждала о том, что дом является спорным.

При таких обстоятельствах признание недействительным договора купли-продажи дома, заключенного между Бирюковым и Весновской, противоречит требованиям ст. 60 ГК РСФСР, так как если Весновская является добросовестным приобретателем дома, то в силу ст. 60 ГК от лица, которое добросовестно приобрело имущество не непосред-

ственно у собственника, последний вправе истребовать имущество лишь только в том случае, когда оно утеряно собственником или похищено у него.

При новом рассмотрении дела суду надлежит исследовать все вышеуказанные обстоятельства, связанные с продажей дома истицей Кочкиной ответчику Бирюкову, установить характер этой сделки и последствия, которые она породила, проверить, известно ли было гр-ке Весновской при заключении ею договора купли-продажи дома с гр-ном Бирюковым о том, что приобретаемый ею дом является спорным, была ли она об этом поставлена в известность истицей Кочкиной. Дело суду следует рассмотреть при личном участии в судебном заседании сторон — истицы Кочкиной, ответчиков Бирюкова и Весновской — и в зависимости от добытых данных разрешить спор сторон.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 4-го участка Московского района г. Ленинграда от 13 июня 1951 г. и определение Ленинградского городского суда от 4 июля 1951 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Ленинградский городской суд по первой инстанции с участием прокурора.

4. ОКАЗАНИЕ СОБСТВЕННИКУ СОДЕЙСТВИЯ ТРУДОМ ИЛИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМА НЕ СОЗДАЕТ ДЛЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ДОМ

Определение по делу № 36/1150. Иск Ткаченко к Федорову о разделе дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 7 мая 1951 г. по иску Ткаченко к Федорову и Куропятниковой о разделе дома.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Федоров в период с 1947 по 1949 годы построил дом. Родственники его жены Куропятниковой — Ткаченко Д. Я. и Ткаченко Л. П. — в 1950 году обратились в суд с иском о признании за ними права собственности на часть этого дома, мотивируя свои требования тем, что они также вложили часть средств в строительство дома.

Рассматривая дело, народный суд 3-го участка Орджоникидзеvского

района г. Тбилиси установил, что истцы действительно оказывали Федорову материальную поддержку в строительстве дома, на что израсходовали (с учетом вложенного труда) 6167 р. 07 к. Однако большую часть затрат по строительству произвел сам Федоров, который на строительство дома в 1948 году получил от Коммунального банка ссуду в сумме 10 000 руб. С учетом этих обстоятельств народный суд решением от 27 марта 1951 г. в иске Ткаченко о выделе им части дома отказал и взыскал в их пользу с Федорова 6167 р. 07 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР определением от 7 мая 1951 г. это решение отменила: за Федоровым и его женой Куропятниковой признала право собственности на одну треть часть дома, а остальные две трети дома присудила истцам.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда Грузинской ССР подлежит удовлетворению. Определение об удовлетворении иска Судебная коллегия обосновала на том, что истцы принимали участие в строительстве дома. При этом Судебная коллегия Верховного суда

Грузинской ССР не учла, что сам по себе факт содействия истцов в строительстве дома не создает для них права собственности на этот дом. Как установил народный суд, Федоров выстроил в основном дом еще до того, как вступил в родственные отношения с истцами, и за счет средств, полученных от Коммунального банка.

При наличии таких обстоятельств и учитывая, что к моменту разрешения судом спора долг по полученной Федоровым ссуде еще не был погашен, народный суд правильно отказал истцам в признании за ними права собственности на часть дома, а возместил им их затраты по строительству.

Поскольку спор между сторонами разрешен народным судом правильно, а вынесенное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР определение является необоснованным, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 7 мая 1951 г. отменить, а решение народного суда 3-го участка Орджоникидзевого района г. Тбилиси от 27 марта 1951 г. оставить в силе.

5. ПО ОСНОВАНИЯМ, УКАЗАННЫМ В СТ. 10 КОДЕКСА ЗАКОНОВ О БРАКЕ, СЕМЬЕ И ОПЕКЕ, ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ МОЖЕТ ПРИЗНАВАТЬСЯ ЛИШЬ ИМУЩЕСТВО, НАЖИТОЕ ЛИЦАМИ, СОСТОЯЩИМИ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

Определение по делу № 1142. Иск Бегунова к Суровцевой о разделе дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Саратовского областного суда от 14 апреля 1951 г., на решение народного суда Фрунзенского района г. Саратова от 23 мая 1951 г., на определение Саратовского областного суда 7 июня 1951 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 30 июля 1951 г. по иску Бегунова к Суровцевой о разделе дома.

Судебная коллегия по граждан-

ским делам Верховного суда СССР установила:

Бегунов обратился в суд с иском к Суровцевой о разделе $\frac{1}{2}$ дома, принадлежащей последней.

В обоснование своих требований Бегунов ссылаясь на то, что он в 1947 году вступил в сожительство с Суровцевой; в 1950 году на общие средства они приобрели полдома, но оформили договор купли-продажи на ответчицу, которая, используя это обстоятельство, от добровольного раздела дома уклоняется.

Рассмотрев дело, народный суд 2-го участка Октябрьского района г. Саратова 30 марта 1951 г. в иске Бегунову отказал.

Саратовский областной суд 14 апреля 1951 г. отменил это решение и дело передал на новое рассмотрение.

23 мая 1951 г. народный суд признал за Бегуновым право собственности на $\frac{1}{4}$ часть спорного дома.

Определением Саратовского областного суда от 7 июня 1951 г. указанное решение народного суда оставлено в силе.

Считая удовлетворение иска Бегунова неправильным, Председатель Верховного суда РСФСР на решение народного суда и на определение областного суда принес протест, который Коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 30 июля 1951 г. отклонила.

Протест Председателя Верховного суда СССР о пересмотре дела с оставлением в силе первоначально вынесенного народным судом 30 марта 1951 г. решения подлежит удовлетворению по мотивам, изложенным в протесте, а именно:

Спорная часть дома принадлежит ответчице Суровцевой, и никаких документов, подтверждающих право истца на этот дом, в деле нет.

То обстоятельство, что дом ответчицей был приобретен в тот период, когда она сожительствовала с Бегуновым, не может служить основа-

нием для признания этого дома общей собственностью сторон на основании ст. 10 КЗоБСО.

Ответчица с истцом в зарегистрированном браке не состояла, ввиду чего Бегунов не может претендовать на имущество, принадлежащее ответчице, если не будет установлено, что это имущество по признакам ст. 61 ГК РСФСР является их общей собственностью.

В данном же случае претензия истца к ответчице не обоснованна, и требование его опровергается договором купли-продажи дома, в котором истец покупателем не значится.

Доводы истца о том, что дом был куплен на общие средства с ответчицей, помимо того, что являются недоказанными, вообще не могут служить основанием для признания за ним вещного права, а создают лишь обязательственные отношения между ним и Суровцевой.

По изложенным соображениям и признавая, что народный суд 30 марта 1951 г. правильно вынес решение об отказе в удовлетворении иска Бегунова, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Саратова от 30 марта 1951 г. оставить в силе, а все последующие судебные решения и определения по делу отменить.

6. ИМУЩЕСТВО, ПОЛУЧЕННОЕ ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ ПО ДОГОВОРУ ДАРЕНИЯ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ СУПРУГОВ

Определение по делу № 36/1050. Иск Корчагина В. В. и Дженковой М. А. к Корчагиным о расторжении договора дарения дома и о разделе дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 8 декабря 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Воронежского областного суда от 30 января 1951 г. и на определение Верховного суда РСФСР по иску Корчагина В. В. и Дженковой М. А. к Корчагиной К. В. и Корчагину В. М.

о расторжении договора дарения дома и о разделе дома. Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В 1945 году Корчагин В. М. возвел дом. В мае 1947 года Корчагин В. М. по договору дарения, засвидетельствованному в нотариальном порядке, подарил этот дом своему сыну Корчагину В. В., а 28 января

1950 г. Корчагин В. В. подарил дом своей матери Корчагиной К. В.

В ноябре 1950 года прокурор района предъявил в суде иск о признании договора дарения дома от 28 января 1950 г. недействительным, ссылаясь в обоснование своих требований на то, что сделка дарения была совершена ошибочно в результате оказанного влияния со стороны одаряемой Корчагиной К. В. и что эта сделка преследовала лишь цель лишить жену Корчагина В. В.—Дженкову М. А.—права требовать раздела дома.

В процессе рассмотрения дела в суде прокурор от поддержания иска в защиту интересов Корчагина В. В. отказался, ввиду чего Корчагин и его жена Дженкова обратились в суд с иском заявлением, в котором они просили признать недействительными договор дарения дома от 30 мая 1947 г. и от 28 января 1950 г., признать за ними право на половину дома, а другую половину дома признать за Корчагиной К. В. и ее мужем — первоначальным застройщиком — Корчагиным В. М.

В исковом заявлении Корчагин и Дженкова, помимо ссылки на то, что договор дарения от 28 января 1950 г. не преследовал цели безраздельного отчуждения дома в пользу Корчагиной К. В., указывали также на их, истцов, личное участие в возведении дома, который был обременен залогом в связи с выданной Коммунальным банком ссудой, погашенной в большей своей части Корчагиным В. В.

Последний раз дело рассматривалось по первой инстанции Воронежским областным судом, решением которого от 30 января 1951 г. постановлено: договор дарения дома Корчагиным В. М. Корчагину В. В. от 30 мая 1947 г. и договор дарения этого же дома Корчагиным В. В. Корчагиной К. В. от 28 января 1950 г. расторгнуть; право на $\frac{1}{2}$ часть дома признать за Корчагиным В. В. и Дженковой М. А. и на $\frac{1}{2}$ часть — за Корчагиным В. М. и Корчагиной К. В.

Определением Верховного суда РСФСР от 27 февраля 1951 г. указанное решение Воронежского областного суда оставлено в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения областного суда и определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Выводы суда о том, что сделки дарения дома от 30 мая 1947 г. и от 28 января 1950 г. нарушали интересы Дженковой М. А., принимавшей участие в достройке дома, а потому якобы имеющей право на часть этого дома, нельзя признать правильными.

Как сказано выше, спорный дом был возведен Корчагиным В. М., причем по делу доказано, что ко времени демобилизации из армии Дженковой и ее мужа Корчагина В. В. строительство дома в основном было закончено.

При таком положении у суда не было оснований признавать, что Корчагин В. М. не мог без согласия своей снохи Дженковой произвести отчуждение принадлежащего ему дома по договору дарения. Если же Дженкова до момента отчуждения Корчагиным В. М. принадлежащего ему дома в какой-либо степени участвовала в его достройке и вкладывала личные средства, то это дает ей лишь право на предъявление денежных требований, но не признания за ней права на часть домовладения.

В свете сказанного нельзя согласиться с решением суда и в части расторжения договора дарения дома от 28 января 1950 г., так как этот договор прав Дженковой также не затрагивает, поскольку к имуществу, перешедшему к одному из супругов в порядке дарения, требования ст. 10 КЗоБСО РСФСР (в смысле признания этого имущества общим) неприменимы.

Других каких-либо мотивов к расторжению указанных выше договоров дарения не имеется, так как договоры дарения от 30 мая 1947 г.,

так и от 28 января 1950 г. были заключены в полном соответствии с требованиями закона, и для признания этих договоров недействительными необходимо наличие таких обстоятельств, которые свидетельствовали бы о незаконности сделок: заключение их под влиянием обмана, насилия, заблуждения, без соблюдения требуемой формы и т. д. (ст. ст. 29—34 ГК РСФСР).

Ни одного из предусмотренных указанными выше статьями Гражданского кодекса обстоятельств по настоящему делу не установлено.

**7. ЖЕНЩИНА, СОСТОЯЩАЯ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ,
НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ВЫПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОСОБИЯ,
УСТАНОВЛЕННОГО ДЛЯ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ, НА РЕБЕНКА,
РОЖДЕННОГО ОТ СЛУЧАЙНОЙ СВЯЗИ**

*Определение по делу № 36/1190. Иск Брянского районного
финансового отдела к Шмычковой-Ануфриевой
о взыскании 1450 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 9 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 10 июля 1951 г. по иску Брянского районного финансового отдела к Шмычковой-Ануфриевой о взыскании 1450 руб.

Коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР находит:

Решением исполкома Брянского райсовета депутатов трудящихся от 18 марта 1948 г. Шмычковой-Ануфриевой, как одинокой матери, было назначено пособие на содержание ребенка, родившегося 23 января 1948 г.

При обследовании семейного положения ответчицы в июне 1950 года было установлено, что она с 1945 года находится в браке с Ануфриевым и что этот брак не расторгнут.

В связи с этим обстоятельством Брянский районный финансовый отдел выплату пособия Шмычковой-Ануфриевой прекратил и обратился в суд с иском о взыскании с нее незаконно полученного пособия в сумме 1450 руб.

По изложенным соображениям и принимая во внимание, что все обстоятельства по делу выяснены и в дополнительной проверке не нуждаются, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Воронежского областного суда от 30 января 1951 г. и определение Верховного суда РСФСР от 27 февраля 1951 г. отменить и в иске Корчагину В. В. и Дженковой М. А. о расторжении договоров дарения дома от 30 мая 1947 г. и от 28 января 1950 г. отказать.

Народный суд 2-го участка Брянского района решением от 3 ноября 1950 г. иск Райфинотдела полностью удовлетворил. Брянский областной суд 16 ноября 1950 г. это решение оставил в силе.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 10 июля 1951 г. решение народного суда и определение Брянского областного суда отменены и дело передано на новое рассмотрение.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и ст. 9 Положения о порядке назначения и выплате государственных пособий многодетным и одиноким матерям, утвержденного постановлением СНК СССР от 18 августа 1944 г.¹, пособие назначается и выплачивается одиноким матерям, не состоящим в браке. В данном же случае, поскольку ответчица к моменту рождения ребенка и ко времени возбуждения хода-

¹ СП СССР 1944 г. № 11, ст. 162.

тайства о назначении пособия состояла в зарегистрированном браке, она права на получение этого пособия не имела.

Кроме того, из имеющихся в деле материалов видно, что Шмычкова-Ануфриева, подавая заявление о назначении пособия, не только скрыла факт состояния в зарегистрированном браке, но указала, что она и ранее не состояла в браке, представив в подтверждение этого справку, не соответствующую действительности.

При таких обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестном поведении ответчицы при обращении с заявлением о назначении ей государственного пособия и о представ-

лении при этом ложных документов, решение народного суда о взыскании незаконно выплаченных ей сумм является правильным, и у Верховного суда РСФСР не было оснований к его отмене.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 10 июля 1951 г. отменить, а решение народного суда 3-го участка Брянского района от 3 ноября 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Брянского областного суда от 16 ноября 1950 г. оставить в силе.

8. ИСКИ МАТЕРЕЙ О ВЗЫСКАНИИ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА, РОДИВШЕГОСЯ ДО ИЗДАНИЯ УКАЗА ОТ 8 ИЮЛЯ 1944 г. ОТ ЛИЦА, С КОТОРЫМ МАТЬ НЕ СОСТОИТ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ, ПОДЛЕЖАТ РАССМОТРЕНИЮ В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ ТОЛЬКО ПРИ УСЛОВИИ, ЕСЛИ ОТВЕТЧИК ЗАПИСАН ОТЦОМ РЕБЕНКА В КНИГАХ ЗАПИСЕЙ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Определение по делу № 03182. Иск Беляковой к Анисимову о взыскании алиментов

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 января 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 29 октября 1948 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 20 августа 1951 г. по иску Беляковой к Анисимову о взыскании средств на содержание ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В сентябре 1948 года Белякова предъявила в суде иск к Анисимову о взыскании средств на содержание ребенка, родившегося 11 октября 1940 г.

Предъявляя иск, Белякова сослалась на то, что ответчик является отцом ребенка, однако средств на его содержание не доставляет.

Народный суд 2-го участка Октябрьского района г. Ленинграда постановил взыскать с Анисимова

в пользу истицы алименты на содержание ребенка в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 20 августа 1951 г. отклонила протест Прокурора РСФСР, в котором ставился вопрос об отмене решения народного суда с прекращением дела производством за отсутствием у Беляковой права на иск.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просит отменить состоявшееся по делу решение и определение и дело производством прекратить.

Соглашаясь с протестом, Коллегия считает решение и определение неправильными по следующим основаниям:

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых

не состоят между собой в зарегистрированном браке»¹ рассмотрению в судебных органах подлежат иски матерей о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося до издания Указа от 8 июля 1944 г. от лица, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, при условии, если ответчик записан отцом ребенка в книгах записей актов гражданского состояния.

Как видно из материалов дела, Белякова в зарегистрированном браке с Анисимовым не состояла и в свидетельстве о рождении Анисимов не записан отцом ребенка, родившегося у истицы 11 октября 1940 г. Следовательно, у истицы отсутствовало право на предъявление к Анисимову иска о взыскании алиментов на содержание ребенка и суд необоснованно удовлетворил ее искивые требования.

Совершенно произвольной является ссылка в определении Верховного суда РСФСР на то, что обязанность доставлять средства на воспитание ребенка у ответчика возникает на основании ст. 42³ КЗоБСО РСФСР.

В силу ст. 42³ КЗоБСО РСФСР лица, взявшие к себе детей на постоянное воспитание с иждивением,

в случае отказа обязаны к платежу алиментов несовершеннолетним и нуждающимся нетрудоспособным детям: а) если умерли родители этих детей и б) если у родителей нет достаточных средств на содержание детей.

В деле нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что ребенок Беляковой находился на постоянном воспитании с иждивением у ответчика или что ответчик хотя бы принимал какое-либо участие в его воспитании.

Из материалов дела видно, что ответчик с истицей после рождения у нее ребенка не проживал и все отношения сторон сводились к тому, что ответчик написал истице в 1947 году несколько писем и переводом по почте выслал 300 руб.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Решение народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 29 октября 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 20 августа 1951 г. отменить и дело производством прекратить за отсутствием у Беляковой права на иск.

9. В СЛУЧАЕ ВСТУПЛЕНИЯ МАТЕРИ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ БРАК С ЛИЦОМ, ОТ КОТОРОГО ОНА РАНЕЕ РОДИЛА РЕБЕНКА И КОТОРОЕ ПРИЗНАЕТ СЕБЯ ОТЦОМ РЕБЕНКА, РЕБЕНОК ПРИРАВНИВАЕТСЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ К ДЕТЯМ, РОДИВШИМСЯ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

Определение по делу № 36/1051. Иск Исакова к Исаковой о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 8 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Узбекской ССР от 28 февраля 1950 г. и на решение Ферганского областного суда от 11 мая 1950 г. по иску Исакова к Исаковой о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Решением Ферганского областного суда от 16 июня 1949 г. было постановлено расторгнуть брак между супругами Исаковыми и взыскать с Исакова в пользу Исаковой алименты на содержание двоих детей в размере $\frac{1}{3}$ заработной платы Исакова.

Верховный суд Узбекской ССР определением от 28 февраля 1950 г. решение областного суда в части взыскания с Исакова алиментов на

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1945 г. № 15.

содержание двоих детей отменил и в этой части дело передал на новое рассмотрение, указав, что у суда не было оснований для взыскания алиментов на содержание ребенка Тамары, так как она родилась в 1946 году, а стороны в зарегистрированный брак вступили лишь 14 мая 1948 г.

При новом рассмотрении дела Ферганский областной суд решением от 11 мая 1950 г. постановил производить с Исакова взыскание алиментов только на одного ребенка — дочь Софию, рождения 26 мая 1949 г.

Председатель Верховного суда СССР просит в протесте отменить определение Верховного суда Узбекской ССР от 29 февраля 1950 г. и решение Ферганского областного суда от 11 мая 1950 г. и оставить в силе решение этого же областного суда от 16 июня 1949 г., согласно которому с Исакова постановлено взыскивать средства на содержание двоих детей.

Обсудив протест, Коллегия считает, что все состоявшиеся по делу решения и определения о взыскании с Исакова алиментов подлежат отмене по следующим основаниям:

Указание в определении Верховного суда Узбекской ССР, а также в решении Ферганского областного суда от 11 мая 1950 г. о том, что Исакова в силу ст. 20 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. не имеет права обращаться в суд с иском о взыскании алиментов на содержание ре-

бенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке, следует признать неправильным.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. предусмотрено, что в случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке. Ему присваивается отчество по имени отца и с обоюдного согласия родителей — фамилия отца.

Из записи в протоколе судебного заседания от 16 июня 1949 г. и от 11 мая 1950 г. видно, что стороны совместно проживали с 1946 года, брак же их был зарегистрирован позднее. Если при новом рассмотрении дела суд установит, что Исаков признал себя отцом ребенка, который родился до регистрации брака с Исаковой, и этот ребенок записан, как родившийся от ответчика, то суд вправе обязать ответчика выплачивать средства на обоих детей.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Ферганского областного суда от 16 июня 1949 г. в части взыскания с Исакова средств на содержание детей в пользу Исаковой и все последующие решения и определения по делу отменить.

Дело для нового рассмотрения передать в Ферганский областной суд в ином составе судей.

10. НЕ ПОДЛЕЖАТ УДОВЛЕТВОРЕНИЮ ИСКИ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА, ЕСЛИ БУДЕТ ДОКАЗАНО, ЧТО СТОРОНЫ ПРОЖИВАЮТ И СОДЕРЖАТ РЕБЕНКА СОВМЕСТНО, А ИСК ПРЕДЪЯВЛЕН ЛИШЬ С ЦЕЛЬЮ ДОБИТЬСЯ СНИЖЕНИЯ РАЗМЕРА АЛИМЕНТОВ, ВЫПЛАЧИВАЕМЫХ ОТВЕТЧИКОМ НА ДЕТЕЙ ОТ ДРУГОЙ МАТЕРИ

Определение по делу № 36/1135. Иск Докукиной к Галковскому о взыскании алиментов

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 23 января 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного

суда 7-го участка Пролетарского района г. Москвы от 19 января 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 30 авгу-

ста 1951 г. по иску Докукиной к Галковскому о взыскании алиментов на содержание ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

С Галковского по решению народного суда с января 1947 года взыскивались алименты на содержание ребенка в размере $\frac{1}{4}$ части зарплаты ответчика в пользу матери ребенка Корочкиной, с которой Галковский состоит в зарегистрированном браке.

Не расторгнув указанного брака, Галковский в 1946 году зарегистрировал брак с Докукиной, которая от Галковского в 1947 году родила ребенка.

Решением народного суда 7-го участка Пролетарского района г. Москвы от 23 ноября 1950 г. регистрация брака между Галковским и Докукиной признана недействительной, после чего последняя обратилась в суд с иском о взыскании с Галковского алиментов на содержание ребенка.

Рассмотрев это дело, тот же народный суд решением от 19 января 1951 г. иск Докукиной удовлетворил и, принимая во внимание, что Галковский по ранее состоявшемуся судебному решению уже выплачивает алименты на одного ребенка, постановил взыскивать с ответчика алименты в пользу Докукиной и Корочкиной по $\frac{1}{6}$ части зарплаты каждой.

Установив, что Галковский и Докукина, хотя и не состоят в зарегистрированном браке, но имеющегося у них ребенка воспитывают совместно, Прокурор РСФСР на решение суда от 19 января 1951 г. принес протест, который определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР 30 августа 1951 г. был отклонен.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда РСФСР по иску Докукиной к Галковскому об алиментах подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из дополнительно приобщенных к делу материалов усматривается, что регистрация брака между Галковским и Докукиной хотя и признана недействительной, однако стороны до настоящего времени проживают совместно и совместно воспитывают ребенка, на которого по решению суда от 19 января 1951 г. взыскиваются в пользу Докукиной алименты.

Это обстоятельство при пересмотре дела суду следует проверить. В том случае, если будет установлено, что истица и ответчик, являющиеся родителями ребенка, содержат и воспитывают его совместно и что иск предъявлен лишь с целью уменьшения размера алиментов, выплачиваемых ответчиком на другого ребенка, у суда не будет оснований к удовлетворению требований Докукиной.

Указание в определении Верховного суда РСФСР на то, что поскольку брак истицы с ответчиком признан недействительным, то совместное их проживание не может рассматриваться как семейно-брачные отношения, является правильным. Однако в данном случае вопрос касается не брачных отношений сторон, а их отношений к ребенку, который в соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. во всех правах приравнивается к детям, рожденным в зарегистрированном браке.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 7-го участка Пролетарского района г. Москвы от 19 января 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 30 августа 1951 г. по иску Докукиной к Галковскому о взыскании алиментов отменить и дело передать на новое рассмотрение по первой инстанции в Московский городской суд с участием прокурора.

11. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ДЕЛА О ПРИЗНАНИИ ПРАВА НА ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ

Определение по делу № 03/72. Иск Писаревой к Архипову о праве на жилплощадь

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 20 октября 1951 г. по иску Писаревой к Архипову о праве на жилплощадь.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Архипов является ответственным съемщиком жилой площади. В 1948 году проживающий вместе с ним его сын Архипов В. М. вступил в сожитительство с несовершеннолетней Писаревой. В связи с этим Писарева вселилась в квартиру ответчика как член семьи Архипова.

В декабре 1950 года Писарева родила ребенка, а в 1951 году Архипов В. М. был призван в Советскую Армию. После этого Архипов М. И. самоуправно выселил Писареву с ребенком из квартиры и выбросил принадлежащие ей и ребенку вещи.

Писарева предъявила в суде иск о признании за ней и ребенком права на часть жилой площади и о вселении в ранее занимаемую квартиру.

Решением народного суда 7-го участка Краснопресненского района г. Москвы от 9 июля 1951 г. за Писаревой и ее ребенком признано право на жилую площадь в квартире Архипова и предоставлено право на вселение на эту площадь.

Определением Московского городского суда от 30 июля 1951 г. решение народного суда оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 20 октября 1951 г. решение народного суда и определение Московского городского суда отменила и дело направила на новое рассмотрение, сославшись на то, что Писа-

рева не была прописана на спорной площади, поэтому права на эту площадь не приобрела.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, сын ответчика Архипов вступил в сожитительство с Писаревой, когда последняя не достигла еще совершеннолетия. Будучи шестнадцатилетней, Писарева не имела возможности оформить свои отношения с Архиповым В. М. в органах загса, однако по взаимному согласию Архиповых она в 1948 году перешла к ним на постоянное жительство и проживала в занимаемой Архиповыми квартире на правах члена семьи.

С учетом этих существенных обстоятельств народный суд правильно признал за Писаревой и ее ребенком право на часть спорной жилой площади.

Разрешая дело в порядке надзора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР этих существенных обстоятельств дела не учла и, став на формальную позицию, допустила нарушение прав истицы и не защитила интересов ее и ребенка. При этом Судебная коллегия не учла также, что решение суда о вселении Писаревой с ребенком уже приведено в исполнение и что последующий пересмотр дела не вызывался никакой необходимостью.

Что касается доводов Верховного суда РСФСР о том, что Писарева не была прописана на спорной площади, то, во-первых, право на площадь нельзя ставить в зависимость только от наличия или отсутствия прописки и, во-вторых, суд не учел, что Писарева не прописывалась не по своей воле, а по вине Архиповых.

Поскольку по делу путем опроса

сторон и свидетелей доказано, что Писарева на протяжении трех лет жила на спорной площади на правах члена семьи, народный суд имел достаточно оснований к признанию за Писаревой и ее ребенком права на часть спорной площади.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить как неправильное определение Верховного суда РСФСР от 20 октября 1951 г. и оставить в силе решение народного суда Краснопресненского района 7-го участка от 9 июля 1951 г. и определение Московского городского суда от 30 июля 1951 г., которыми иск Писаревой о признании права на жилплощадь и о вселении удовлетворен.

12. ПРИ ОТСУТСТВИИ УСЛОВИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В СТ. 31 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 г., ВЫСЕЛЕНИЕ ОТВЕТЧИКА ПО МОТИВАМ ОТСУТСТВИЯ ТРУДОВОЙ СВЯЗИ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕНО ЛИШЬ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ВЫСЕЛЯЕМОМУ ДРУГОГО ГОДНОГО ДЛЯ ЖИЛЬЯ ПОМЕЩЕНИЯ

Определение по делу № 36/1195. Иск Деревообделочного комбината к Ласке о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 9 января 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 3-го участка Пушкинского района, Московской области, от 4 октября 1950 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 18 апреля 1951 г. по иску Деревообделочного комбината к Ласке о выселении.

Рассмотрев дело, Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В 1942 году в доме, принадлежащем Деревообделочному комбинату, ответчице была предоставлена комната, причем ко времени вселения на эту площадь она работала заведующей яслями, обслуживающими детей рабочих Комбината.

В 1950 году Деревообделочный комбинат предъявил в суде иск о выселении, ссылаясь в обоснование своих требований на то, что ответчица в трудовых отношениях с Комбинатом не состояла и не состоит, а потому права на занимаемую площадь не имеет.

Рассмотрев дело, народный суд 3-го участка Пушкинского района, Московской области, решением от 4 октября 1950 г. иск Деревообде-

лочного комбината удовлетворил и постановил выселить ответчицу с занимаемой ею жилой площади в доме истца.

Считая это решение народного суда неправильным, Прокурор РСФСР принес в Коллегию по гражданским делам Верховного суда РСФСР протест, однако последний определением от 18 апреля 1951 г. был отклонен.

Протест Генерального Прокурора СССР о пересмотре дела подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Вынося решение о выселении Ласки, народный суд не привел мотивов в обоснование своего решения и не указал закона, которым руководствовался при разрешении спора о праве ответчицы на занимаемую жилую площадь.

Спорная площадь была предоставлена Ласке в 1942 году не в связи с трудовыми отношениями с истцом, ввиду чего она если и может быть выселена, то только лишь по основаниям, предусмотренным ст. 171 ГК РСФСР, или же по ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. В данном случае поводов к расторжению с ответчицей договора жилищного найма по ст. 171 ГК РСФСР не усматри-

вается. Истец, ставя вопрос о выселении ответчицы, на этот закон также не ссылается, указывая лишь на то, что ответчица с Комбинатом не состояла и не состоит в трудовых отношениях, тогда как это обстоятельство могло служить основанием для предъявления иска только по ст. 32 закона от 17 октября 1937 г., г. е. при условии предоставления ей другой жилой площади.

Не подтверждает правильности решения суда и указание в определении Верховного суда РСФСР на ст. 23 закона от 17 октября 1937 г., так как на протяжении 8 лет вопроса о неправомерности предоставления ответчице жилой комнаты в до-

ме истца никем не возбуждалось, к тому же доказательств, устанавливающих, что спорную площадь ответчица получила незаконно, по делу не имеется.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 3-го участка Пушкинского района, Московской области, от 4 октября 1950 г. и определение Верховного суда РСФСР от 18 апреля 1951 г. отменить и в иске Деревообделочному комбинату о выселении Ласки без предоставления другой годной для жилья площади отказать.

13. ШОФЕРЫ АВТОМАШИН, РАБОТАЮЩИЕ НА ВЫВОЗКЕ ХЛЕБА ИЗ ГЛУБИННЫХ ПУНКТОВ, НЕСУТ ПОЛНУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОСТАЧУ ПРИНЯТОГО ИМИ К ПЕРЕВОЗКЕ ЗЕРНА

Определение по делу № 03/8. Иск прокурора к Бабину о взыскании 4492 р. 33 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 17 сентября 1951 г., на решение народного суда 2-го участка Куртамышского района от 30 октября 1951 г. и на определение Курганского областного суда от 19 ноября 1951 г. по иску прокурора Куртамышского района к Бабину о взыскании 4492 р. 32 к.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Бабин работал шофером по вывозке зерна из глубинных пунктов. За время работы у него образовалась недостача зерна на сумму 4492 р. 32 к.

По заявлению «Заготзерно» стоимость недостающего зерна взыскана арбитражем с автороты.

Прокурор Куртамышского района в порядке регресса предъявил в суде иск о взыскании указанной суммы в пользу Куртамышской автороты с Бабина, как лица, непосред-

ственно несущего ответственность за причиненный ущерб.

Народный суд 2-го участка Куртамышского района решением от 7 февраля 1950 г. иск прокурора удовлетворил.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 17 сентября 1951 г. решение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение, указав в определении, что ответчик Бабин за недостачу зерна должен нести материальную ответственность по ст. 83 КЗоТ РСФСР в размере действительного ущерба, но не свыше $\frac{1}{3}$ своей тарифной ставки.

При вторичном рассмотрении дела народный суд 2-го участка Куртамышского района 30 октября 1951 г. взыскал с Бабина в пользу Куртамышской автороты 1905 р. 59 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Курганского областного суда 19 ноября 1951 г. это решение отменила и дело возвратила на новое рассмотрение по тем основаниям,

что народный суд исчислил размер материальной ответственности не в соответствии с требованиями ст. 83 КЗоТ РСФСР, т. е. выше $\frac{1}{3}$ части тарифной ставки Бабина, и что, кроме того, суд не выяснил причины образовавшейся недостачи зерна.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 17 сентября 1951 г. и последующих судебных решений подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно действующему законодательству на шоферов автомашин, работающих на вывозке хлеба из глубинных пунктов, возложена обязанность принимать хлеб на глубинных пунктах и сдавать его на линейные пункты «Заготзерно» и базы Министерства продовольственных резервов только по весу и под расписку в накладной.

Поскольку законом установлен специальный порядок приема и сдачи зерна шоферами, работающими по вывозке хлеба из глубинных пунктов, они обязаны в этих случаях нести полную материальную ответственность за недостачу принятого ими к перевозке зерна.

В соответствии с этим ответчик по делу Бабин за недостачу зерна, образовавшуюся у него при перевозке зерна из глубинных пунктов, должен нести полную материальную ответственность, если недостача образовалась по его вине. Указания

Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР, данные в определении от 17 сентября 1951 г., о применении ограниченной материальной ответственности по ст. 83 КЗоТ являются неправильными.

По настоящему делу причины, в результате которых образовалась у Бабина недостача зерна, не выяснены с достаточной полнотой.

Из дела усматривается, что в Куртамышском пункте «Заготзерно» имелись неисправные весы, дающие отклонения как в сторону увеличения, так и уменьшения фактического веса, однако суд не проверил, не явилась ли недостача результатом неправильного определения веса при приеме и сдаче зерна.

Судебная коллегия Курганского областного суда 19 ноября 1951 г. правильно отменила решение народного суда 2-го участка Куртамышского района от 30 октября 1951 г. вследствие неисследованности дела, но неправильно указала в определении об ограниченной материальной ответственности в случае, если будет установлено, что недостача зерна образовалась по вине ответчика.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все состоявшиеся по данному делу решения и определения судебных органов и дело для рассмотрения направить в Курганский областной суд по первой инстанции.

14. АВТОРСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НА ИЗОБРЕТЕНИЯ МОГУТ БЫТЬ ВЫДАНЫ НА ИМЯ ПРЕДПРИЯТИЯ, ЛАБОРАТОРИИ, ИНСТИТУТА И БЮРО ТОЛЬКО В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА ИЗОБРЕТЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ КОЛЛЕКТИВНОГО ОПЫТА И ПРАКТИКИ, А НЕ ЛИЧНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ ИЛИ ГРУППЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Определение по делу № 36/1126. Иск Звонкова и других к Селезневу об авторстве на изобретение

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 26 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на все состоявшиеся судебные решения и

определения по иску Звонкова и других к Селезневу об авторстве на изобретение.

Главное управление полиграфического машиностроения обязало Московский экспериментальный за-

вод полиграфического машиностроения разработать рабочие чертежи, технологический процесс и оснастку и освоить по образцам заказчика выпуск машин для печатания перфокарт и для резки перфокартона.

Заказчик — Управление «Союзмашучет» — просил завод изготовить перфокарточную машину не по старому образцу, а создать новую машину повышенной производительности, совместив в одной конструкции принцип ротационной печати с одновременной резкой.

По указанию «Главполиграфмаша» завод предложение заказчика принял и, пригласив для этой цели инженера-конструктора Осипова, с которым было заключено соглашение на проектирование машины, приступил к работе по созданию новой перфокарточной машины.

Предложенные Осиповым эскизные проекты были приняты заводом в основу проектирования машины, но так как в процессе работы по созданию этой машины группой инженерно-технических работников завода было найдено новое конструктивное решение и создан рабочий макет новой оригинальной машины, трудовое соглашение с Осиповым было расторгнуто, и дальнейшие работы по созданию машины уже производились без его участия.

В результате совместных творческих усилий инженеров-конструкторов Селезнева, Звонкова, Хромова и других работников завода в декабре 1949 года была создана новая перфокарточная машина, обеспечивающая высокую производительность и эффективность производства.

Главный инженер завода Селезнев еще до окончания изготовления опытного образца машины, 26 сентября 1949 г., подал в Управление по изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР заявку о выдаче ему авторского свидетельства на эту машину.

31 января 1950 г. такое свидетельство Селезневу было выдано, и он признан автором изобретения «печатно-резальной машины для изго-

товления из рулонной бумаги перфокарт для счетно-аналитических машин».

Считая действия Селезнева в отношении получения авторского свидетельства на свое имя неправильными, лица, принимавшие участие в создании машины, — Звонков, Хромов и другие обратились в суд с иском о признании их соавторами данного изобретения.

Московский экспериментальный завод полиграфического машиностроения заявил самостоятельно исковые требования об аннулировании выданного Селезневу авторского свидетельства и о признании авторского права за заводом.

Это дело первоначально рассматривалось народным судом, а потом было принято к производству Московским городским судом, последним решением которого от 7 августа 1951 г. авторство признано за Московским экспериментальным заводом полиграфического машиностроения, а в удовлетворении иска Звонкову и другим отказано.

Определением Верховного суда РСФСР от 30 августа 1951 г. решение Московского городского суда оставлено в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене всех состоявшихся по делу судебных решений и определений подлежит удовлетворению по мотивам, изложенным в протесте.

Как видно из материалов дела, в изобретении новой машины принимали участие, помимо Селезнева, и другие лица — истцы по настоящему делу; каждый из них вложил в это изобретение свои творческие идеи, осуществленные в процессе создания машины.

При таком положении выдача авторского свидетельства на имя одного Селезнева не может быть признана правильной. Неправильность получения Селезневым авторского свидетельства признана и решением суда, однако вывод суда о том, что авторство принадлежит экспериментальному заводу, не

только не вытекает из материалов дела, но и находится в противоречии с ними.

То обстоятельство, что новая машина создана в результате творческих усилий группы конструкторов, не лишает каждого из них права на соавторство, так как в соответствии с ч. 1 ст. 37 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях, утвержденного СНК СССР 5 марта 1941 г.¹, лица, сделавшие изобретение сообща (соавторы), имеют право на получение авторского свидетельства, с указанием в нем фамилии, имени и отчества каждого из соавторов.

Не меняет положения дела и тот факт, что разработка и освоение изобретенной машины авторами изобретения производились на заводе во исполнение задания Главного управления, так как это обстоятельство в соответствии с ч. 3 ст. 37 указанного Положения создает для завода лишь право требовать отметки в авторских свидетельствах о наименовании завода, в котором разрабатывалось изобретение.

На основании примечания к ст. 37 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях авторские свидетельства на изобретение могут быть выданы предприятиям, лабораториям, институтам и бюро только в тех случаях, когда изобретение является результатом коллективного опыта и практики, а не личной инициативы отдельных изобретателей или группы изобретателей.

Отсюда следует, что авторские свидетельства на изобретение могут быть выданы соответствующим учреждениям, предприятиям или

организациям только в тех случаях, когда изобретение является не результатом творческой деятельности отдельных конкретных лиц, а результатом коллективного опыта и практики.

Поскольку в данном случае новая машина изобретена в результате творческих усилий определенных конкретных лиц, суд должен был обсудить вопрос о признании авторства за этими лицами, с указанием в авторском свидетельстве наименования завода, на котором эта машина изобретена.

При новом рассмотрении дела суду следует установить, кто истцов, в какой мере принимал творческое участие в изобретении новой машины, в зависимости от чего в соответствии со ст. 37 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и разрешить возникший спор.

Определяя степень участия истцов и ответчика в создании новой машины, суд должен иметь в виду, что авторское свидетельство может быть выдано только тем лицам, которые принимали творческое участие в разработке конструкции новой машины, и что лица, оказывавшие изобретателям техническую помощь, прав на соавторство не имеют.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся по делу судебные решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение по первой инстанции в Верховный суд РСФСР с участием прокурора.

15. НАСЛЕДНИК, ПРИСУТСТВУЮЩИЙ В МЕСТЕ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА СЧИТАЕТСЯ ПРИНЯВШИМ ЕГО, ЕСЛИ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ МЕСЯЦЕВ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА НЕ ЗАЯВИТ НАДЛЕЖАЩЕМУ НОТАРИАЛЬНОМУ ОРГАНУ ОБ ОТКАЗЕ ОТ НАСЛЕДСТВА

Определение по делу № 03/40. Иск Мезеновой и Тихоновой к Морозовой о признании их наследниками имущества и по встречному иску Морозовой к Мезеновой и Тихоновой о взыскании имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР

рассмотрела в заседании 23 января 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение и определение народного суда 1-го участка

¹ СП СССР 1941 г. № 9, ст. 150.

Кировского района г. Уфы и на определение Верховного суда РСФСР по иску Мезеновой и Тихоновой к Морозовой о признании их наследниками к имуществу, оставшемуся после смерти их матери, и по встречному иску Морозовой к Мезеновой и Тихоновой о взыскании имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В июне 1947 года Мезенова и Тихонова предъявили иск к Морозовой о признании их наследниками к имуществу, оставшемуся после смерти матери истиц—Никифоровой.

В исковом заявлении истицы указали, что их мать умерла 15 мая 1944 г. в г. Уфе, что в этот период времени истицы находились по месту жительства матери и в силу ст. 429 ГК РСФСР они считаются принявшими наследство.

Поскольку совместно с матерью истиц проживал также их отчим, умерший в августе 1945 года, и после его смерти в правах наследства утвердилась гр-ка Морозова—сестра умершего, которой должно перейти все имущество, описанное в квартире, истицы просили взыскать в их пользу часть имущества матери, падающую на их долю,— всего на сумму 26 720 руб.

В процессе рассмотрения дела Морозова предъявила встречное исковое заявление к Тихоновой и Мезеновой о взыскании наследственного имущества, фактически перешедшего к ним до получения Морозовой 27 мая 1946 г. свидетельства о праве наследования.

Решением от 10 декабря 1949 г. народный суд 1-го участка Кировского района г. Уфы в иске Тихоновой и Мезеновой отказал, а встречный иск Морозовой о признании за нею права на имущество удовлетворил и взыскал с Тихоновой и Мезеновой имущество на сумму 66 780 руб.

По заявлению Тихоновой суд вынес также определение от 10 декабря 1949 г., согласно которому признал недействительной исполнитель-

ную надпись нотариуса 1-й Государственной нотариальной конторы г. Уфы от 22 сентября 1947 г. об изъятии у Тихоновой и Мезеновой имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 30 ноября 1951 г. отклонила протест Генерального Прокурора СССР об отмене указанного выше решения народного суда.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения и определения народного суда и определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Отказывая в исковых требованиях Тихоновой и Мезеновой, суд в решении сослался на то, что истицы совместно с матерью к моменту открытия наследства не проживали и права на получение свидетельства о наследовании в течение шестимесячного срока не использовали, в силу чего они не могут требовать имущества, оставшегося после смерти их матери.

Эти доводы суда нельзя признать обоснованными.

В исковом заявлении истицы указывали, что они, а также их дети в 1944 году проживали совместно с матерью и отчимом в г. Уфе. Эти объяснения истиц ничем по делу не опровергнуты, и суд, разрешая дело, не исследовал вопроса о месте жительства истиц в момент смерти их матери и не установил, действительно ли истицы присутствовали в месте открытия наследства. Между тем выяснение этого обстоятельства имеет решающее значение для правильного разрешения спора о наследственном имуществе. В соответствии со ст. 429 ГК РСФСР наследник, присутствующий в месте открытия наследства, считается принявшим наследство, если в течение трех месяцев со дня открытия наследства не заявит надлежащему нотариальному органу об отказе от наследства.

Как видно из второго дела, приобщенного к настоящему граждан-

скому делу, в суде было заявлено требование Тихоновой о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса, согласно которой Тихонова и Мезенова были обязаны возвратить Морозовой имущество, числящееся по акту описи от 1 сентября 1945 г. Определением народного суда 1-го участка Кировского района г. Уфы от 14 февраля 1948 г. производство по этому делу было прекращено по мотиву неявки в суд Тихоновой.

Прекращение дела производством следует признать неправильным, так как в деле отсутствуют сведения о вручении Тихоновой повесток о вызове ее в судебное заседание и, кроме того, из имеющейся в деле телеграммы видно, что Тихонова просила это дело рассмотреть в ее отсутствие.

Что касается определения народного суда от 10 декабря 1949 г. по вопросу о признании недействительной исполнительной надписи, вынесенного по вторичному заявлению Тихоновой, то это определение также нельзя признать правильным, поскольку оно подписано только народным судьей. С изданием Закона о судеустройстве СССР единое рассмотрение народным судьей дел по искам, основанным на документах, взыскание по которым

может производиться по исполнительной надписи нотариального органа, не предусмотрено, и, следовательно, этот вопрос должен быть рассмотрен судьей не единолично, а в составе народного судьи и двух народных заседателей.

Поскольку названное дело о признании недействительной исполнительной надписи связано с делом по иску Тихоновой и Мезеновой к Морозовой о наследственном имуществе, оба эти дела подлежат объединению в одно производство.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Решение народного суда 1-го участка Кировского района г. Уфы от 10 декабря 1949 г., а также определения этого же народного суда от 10 декабря 1949 г. и от 14 февраля 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 30 ноября 1951 г. отменить.

Дело по иску Тихоновой и Мезеновой к Морозовой и дело по заявлению Тихоновой о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса объединить в одно производство.

Дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд Башкирской АССР по первой инстанции с участием прокурора.

16. ПРЕДПРИЯТИЕ, ВЫПЛАЧИВАЮЩЕЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА УВЕЧЬЕ, ИМЕЕТ ПРАВО ЗАЧЕСТЬ ПОЛУЧАЕМЫЙ ПОТЕРПЕВШИМ ПОСЛЕ УВЕЧЬЯ ЗАРАБОТОК В СЧЕТ ПЛАТЕЖЕЙ, ПРИСУЖДЕННЫХ С ПРЕДПРИЯТИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ

Определение по делу № 36/1090. Иск Крылова к Монтажному бюро о возмещении ущерба

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 декабря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда 1-го участка Свердловского района г. Ленинграда от 24 мая 1950 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 20 августа 1951 г. по иску Крылова к Монтажному бюро о возмещении ущерба, причиненного увечьем.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Крылов работал в монтажном бюро в качестве радиомонтера. 18 ноября 1948 г. в результате происшедшего на работе несчастного случая был поврежден Крылову правый глаз. По заключению судебно-медицинской экспертизы у Крылова имеет место утрата общей трудоспособности на 30% и профессиональной — на 100%.

Народный суд 1-го участка Свердловского района г. Ленинграда решением от 18 мая 1949 г. постановил искивые требования Крылова к Монтажному бюро о взыскании разницы между средним заработком до увечья и размером получаемой пенсии удовлетворить, т. е. взыскивать в его пользу ежемесячно по 758 руб.

В мае 1950 года Крылов обратился в суд с заявлением об истолковании решения суда от 18 мая 1949 г. и просил: 1) установить, что в связи с ликвидацией Монтажного бюро предприятием, обязанным выплачивать присужденную в его пользу сумму, должен являться правопреемник — электромонтажное предприятие, и 2) указать, что взыскание присужденных в его пользу платежей должно производиться без зачета заработка, получаемого им по новой работе в электромонтажном предприятии.

Народный суд 1-го участка Свердловского района г. Ленинграда 24 мая 1950 г. вынес определение, согласно которому постановил: «внести изменение в решение народного суда 1-го участка Свердловского района от 18 мая 1949 г. и указать, что вознаграждение по увечью в пользу Крылова подлежит взысканию с электромонтажного предприятия без зачета заработка Крылова и выданный ошибочно исполнительный лист с указанием о зачете платежей отозвать».

Ленинградский городской суд 5 июня 1950 г. это определение народного суда оставил в силе.

На определения народного суда и Ленинградского городского суда Председателем Верховного суда СССР был принесен протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, в котором указывалось, что отказ народного суда в производстве зачета заработка Крылова при взыскании в его пользу присужденных платежей за увечье является неправильным.

Верховный суд РСФСР 20 ав-

густа 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР отклонил ввиду того, что в силу постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 23 июня 1926 г. предприятие имеет право зачета по делам о возмещении вреда вследствие причинения потерпевшему увечья лишь в том случае, когда потерпевший продолжает работать в том же предприятии на той же должности и заработок его не уменьшился.

Обсудив протест, Коллегия считает, что все определения, состоявшиеся по делу, в части, касающейся зачета заработка Крылова в счет присужденных в его пользу платежей, подлежат отмене.

Из материалов дела видно, что после увечья Крылов был направлен на курсы и приобрел новую квалификацию. По окончании курсов Крылов 21 июня 1949 г. был назначен на должность исполняющего обязанности инженера по нормированию с окладом 850 руб. в месяц, а с 1 февраля 1950 г. — с окладом 880 руб. Крылову, кроме того, выплачивается пенсия в сумме 150 руб. в месяц. Следовательно, его общий бюджет составляет больше 1000 руб. в месяц, в то время как до несчастного случая средний заработок Крылова был равен 978 руб. в месяц.

Согласно ст. 410 ГК РСФСР возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно, — в возмещении причиненных убытков.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 10 июня 1943 г. указал, что возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья (увечье), производится в виде присуждения убытков, связанных с потерей потерпевшим заработка.

Исходя из указанного, следует признать, что если Крылов после утраты профессиональной трудоспособности радиомонтера работает по новой профессии, полученной им

благодаря проявленной заботе о нем со стороны ответчика, и по этой новой профессии имеет постоянный заработок, то предприятие, — в данном случае электромонтажное предприятие, — имеет право в порядке исполнения судебного решения производить зачет заработка Крылова по новой должности в счет присужденных в его пользу платежей.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Определение народного суда 1-го участка Свердловского района

г. Ленинграда от 24 мая 1950 г. и последующие определения в части, касающейся вопроса о том, что заработок Крылова не может быть зачтен в счет присужденных в его пользу сумм, отменить.

Установить, что электромонтажное предприятие имеет право в порядке исполнения судебного решения производить зачет заработка Крылова в счет присужденных в его пользу платежей по решению народного суда 1-го участка Свердловского района г. Ленинграда от 18 мая 1949 г.

17. В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ЛИЦО ПОЛУЧИЛО УВЕЧЬЕ И, ПРОДОЛЖАЯ РАБОТАТЬ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, ВТОРИЧНО ПОЛУЧИЛО УВЕЧЬЕ, РАЗМЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ВРЕД ДОЛЖЕН ИСЧИСЛЯТЬСЯ НЕ ПО КАЖДОМУ НЕСЧАСТНОМУ СЛУЧАЮ В ОТДЕЛЬНОСТИ, А ИСХОДЯ ИЗ ОБЩЕЙ ПОТЕРИ ПОТЕРПЕВШИМ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

Определение по делу № 36/1198. Иск Полетаева к заводу «Стройдеталь» о возмещении вреда

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 9 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на все состоявшиеся судебные решения и определения по иску Полетаева к заводу «Стройдеталь» о возмещении вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В марте 1950 года Полетаев обратился в суд с иском о возмещении за вред в связи с увечьем, причиненным ему 23 апреля 1948 г. и 3 февраля 1949 г. Размер причиненного ущерба был исчислен истцом по каждому несчастному случаю раздельно.

Рассмотрев это дело, народный суд 5-го участка Октябрьского района г. Москвы решением от 13 апреля 1950 г. постановил: взыскать с завода «Стройдеталь» в пользу Полетаева ежемесячно с 18 мая 1948 г. по 1 мая 1949 г. по 200 р. 96 к. и с 1 мая 1949 г. по 10 октября 1950 г. по 415 руб. ежемесячно.

Определением Московского городского суда от 26 апреля 1950 г. решение народного суда было оставлено в силе.

По протесту Председателя Вер-

ховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 28 апреля 1951 г. решение народного суда и определение городского суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

К этому времени в производстве народного суда поступило другое заявление Полетаева с требованием продолжения выплаты возмещения за увечье, поскольку срок выплаты по ранее вынесенному решению истек.

Народный суд 5-го участка Октябрьского района г. Москвы, рассмотрев это дело, решением от 20 ноября 1950 г. постановил взыскать с завода «Стройдеталь» в пользу Полетаева по 415 р. 51 к. ежемесячно с 11 октября 1950 г. по 27 октября 1951 г., и это решение Московской городской суд 1 декабря 1950 г. оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР указанные решение и определение Московского городского суда 3 марта 1951 г. также отменила и дело передала на новое рассмотрение.

Последующим решением от

4 июня 1951 г. народный суд 6-го участка Октябрьского района взыскал с завода «Стройдеталь» в пользу Полетаева одновременно 11 121 р. 75 к. и ежемесячно с 27 мая 1951 г. за ущерб, причиненный увечьем 23 апреля 1948 г., по 200 р. 96 к. и за ущерб, причиненный увечьем 3 февраля 1949 г., — по 415 р. 51 к.

Определением Московского городского суда от 17 июля 1951 г. решение народного суда оставлено в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене всех состоявшихся судебных решений и определений по иску Полетаева к заводу «Стройдеталь» подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Несмотря на то, что дело по иску Полетаева неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями, обстоятельства по нему исследованы крайне поверхностно, причем не установлено, имеет ли вообще истец право на взыскание с завода в порядке ст. 413 ГК РСФСР возмещения за вред, причиненный увечьем.

Согласно ст. 413 ГК РСФСР лицо или предприятие, вносящее страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования, не обязано возмещать вред, причиненный наступлением страхового случая.

Эта обязанность возникает лишь в том случае, если вред причинен преступным действием или бездействием предпринимателя, к тому же при условии, что потерпевший не получил полного возмещения вреда в порядке социального страхования.

По настоящему делу не доказано как вины завода в происшедших с истцом в 1948 и 1949 гг. несчастных случаях, так и того, что в результате этих несчастных случаев истец получил стойкую нетрудоспособность и понес материальный ущерб.

В подтверждение того, что несчастные случаи с истцом произошли по вине администрации, истец пред-

ставил два акта технического инспектора ЦК профсоюза, составленные один через два года и второй — через год после увечья. Эти доказательства требовали от суда критической оценки тем более, что в деле есть первичные акты о несчастных случаях, из которых усматривается, что несчастные случаи с Полетаевым являлись результатом непредусмотрительности и неосторожности самого потерпевшего.

При обсуждении вопроса о степени утраты истцом трудоспособности судебно-медицинская экспертиза определила потерю трудоспособности Полетаева по каждому случаю увечья в отдельности и не установила общего процента утраты истцом трудоспособности, что нельзя признать правильным.

Эта ошибка в определении степени утраты истцом трудоспособности повлекла за собой и вынесение принципиально ошибочного судебного решения, которым размер возмещения за вред исчислен по каждому эпизоду в отдельности, тогда как следовало исходить из общей утраты трудоспособности и соответственно этому определить размер полагающегося истцу пособия.

Кроме того, как указано выше, в силу ч. 3 ст. 413 ГК РСФСР предприятие несет перед потерпевшим за причиненный вред дополнительную материальную ответственность лишь в том случае, когда потерпевший не получает полного возмещения в порядке социального страхования.

По данному делу это обстоятельство судом игнорировано и даже не выяснено, обращался ли истец за назначением пенсии в органы социального страхования.

Между тем из имеющихся в деле материалов видно, что после происшедших с истцом несчастных случаев он после кратковременной нетрудоспособности возвратился на завод «Стройдеталь», где и работает по своей специальности до настоящего времени.

Ввиду этого, если даже и будет

доказано, что истец в порядке ст. 413 ГК РСФСР имеет право дополнительного требования к заводу, то и тогда суду следовало обудить вопрос о праве администрации завода производить зачет получаемого истцом заработка в счет определенного дополнительного вознаграждения.

По изложенным соображениям

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся судебные решения и определения по иску Полетаева к заводу «Стройдеталь» о возмещении вреда отменить и дело передать на новое рассмотрение по первой инстанции в Московский городской суд с участием прокурора

18. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ ДЕЛА О ВОЗМЕЩЕНИИ ЗА ВРЕД ПОВЛЕКЛО ДЛИТЕЛЬНУЮ СУДЕБНУЮ ВОЛОКИТУ И ПРИВЕЛО К ПРИСУЖДЕНИЮ ЛИЦУ БЕЗ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СУММ

Определение по делу № 03/11 по иску Тараканова к строительному тресту о возмещении за вред

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 26 января 1950 г. и все последующие решения и определения по иску Тараканова к строительному тресту о возмещении за вред.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Тараканов работал в качестве столяра в тресте. 4 августа 1948 г. жильцы общежития, в том числе и Тараканов, в нерабочее время своими силами ремонтировали в общежитии кухню.

Во время вывешивания перегородки Тараканов, забивая обухом деревянный клин, промахнулся и ударил не по клину, а по кирпичу, который раскололся. Осколком кирпича у истца был поврежден глаз, вследствие чего он утратил общую трудоспособность на 25% и профессиональную на 100%.

В 1949 году Тараканов обратился в суд с иском о взыскании с треста разницы между ранее получаемой зарплатой и назначенной ему пенсией.

Народный суд 2-го участка Смольнинского района г. Ленинграда решением от 24 мая 1949 г. признал, что Тараканов получил увечье не на

работе и не по вине администрации, поэтому в иске ему отказал.

Определением Ленинградского городского суда от 8 июня 1949 г. это решение было оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 26 января 1950 г. решение народного суда и определение городского суда отменила и дело направила на новое рассмотрение. В определении Верховный суд РСФСР указал, что ответчик в силу ст. 413 ГК РСФСР обязан возместить истцу причиненный ущерб, так как несчастный случай произошел по вине треста, не обеспечившего надзора по технике безопасности при производстве работами ремонта общежития.

В соответствии с этим указанием народный суд 2-го участка Смольнинского района решением от 11 сентября 1950 г. взыскал с ответчика в пользу Тараканова за период с 9 ноября 1948 г. по 9 марта 1950 г. 21 590 руб.

Определением Ленинградского городского суда от 29 сентября 1950 г. размер присужденной Тараканову суммы был снижен до 19 509 р. 44 к.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 26 января 1950 г. и всех последую-

щих решений и определений и оставлений в силе решения народного суда 2-го участка Смольнинского района от 24 мая 1949 г. и определения Ленинградского областного суда от 8 июня 1949 г., которыми в иске Тараканову отказано, подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из имеющихся в деле материалов, в частности, из заключений инженера по технике безопасности и технического инспектора обкома профсоюза видно, что несчастный случай с Таракановым произошел не на производстве, а дома при выполнении работы по ремонту кухни общежития, которая производилась истцом в нерабочее время и без ведома администрации треста.

Указанными заключениями также признано, что происшедший с Таракановым несчастный случай не может рассматриваться как производственная травма.

Никаких данных о том, что несчастный случай произошел по вине администрации, в деле не имеется, что исключает возможность разрешения спора по основаниям ст. 413 ГК РСФСР.

При таких обстоятельствах решение народного суда 2-го участка Смольнинского района от 24 мая 1949 г. и определение Ленинградско-

го городского суда от 8 июня 1949 г. об отказе в иске Тараканову являлись правильными и у Верховного суда РСФСР не было оснований к их отмене.

Отменяя это решение народного суда и определение Ленинградского городского суда, которым решение народного суда было оставлено в силе, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР допустила нарушение закона, приведшее к длительной судебной волоките и к присуждению Тараканову без всяких на то законных оснований значительных сумм государственных средств.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 26 января 1950 г. и все последующие решения и определения по обоим делам, оставив в силе решение народного суда 2-го участка Смольнинского района г. Ленинграда от 24 мая 1949 г. и определение Ленинградского городского суда от 8 июня 1949 г., которым в иске Тараканову о взыскании возмещения за увечье отказано.

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы,
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67.

А-00147 Сдано в печать
Уч.-изд. л. 4,25.
Зак. 1022

Подписано к печати 28/IV 1952 г.
08¹/₁₆ = 1,5 бумажных — 4,11 печ. л.
Цена 1 р. 50 к.

ЮФ СПБГУ

13-я тип

Косарева

Совете Министров СССР.
пер., 1а.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
3	Правая	1-я снизу	данных	данные
4	"	2-я снизу	осуществлению,	осуществлению,
4	левая	3-я снизу	крытом	крытым
9	правая	11-я сверху	произошла	произошло
13	левая	14-я-снизу	приобретения	приобретения
45	правая	11-я снизу	Московско й	Московский